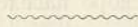

928

ВОСПОМИНАНІЯ БРОДЯГИ.

Къ напечатанію воспоминаній „бродяги“, насъ побуждаетъ не столько сознаніе ихъ литературныхъ достоинствъ, сколько то, что при всей простотѣ и безыскусственности формы, они, правдиво и ясно, характеризуютъ бытъ бродягъ, къ тому же еще на Амурѣ, знакомя и съ побужденіями, влекущими на бродяжество, и съ бѣдствіями, которыя приходится имъ терпѣть и съ конечнымъ результатомъ, къ которому рано или поздно приходитъ каждый бродяга. Картина, которую мы представляемъ вниманію читателей, будучи рисована съ натуры, не нуждалась бы въ какихъ либо дополняющихъ ее краскахъ, если-бы, относясь къ близкому намъ, весьма знаменательному въ лѣтописяхъ бродячества, моменту, о которомъ совсѣмъ не упоминалось въ печати, она, вслѣдствіе этого, не могла бы быть заподозрѣна въ правдивости отзывовъ автора о значеніи этого момента

Моментъ, о которомъ мы упоминаемъ, и на который намекаетъ авторъ „воспоминаній“, объемлетъ время съ начала 1871 по 1874 годъ. Въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ были предуказаны самыя строгія мѣры къ преслѣдованію по Восточной Сибири бродячества.

Чтобы „воспоминанія“, ограничивающіяся относительно этихъ мѣръ намеками, были нѣсколько понятнѣе въ чтеніи, мы считаемъ не лишнимъ ознакомить читателей съ сущностью означенныхъ мѣръ.

Въ началѣ 1871 года генераль-губернаторомъ, Сенаторомъ Синельниковымъ было сдѣлано распоряженіе, *чтобы все пойманные въ Восточной Сибири бродяги, тотчасъ по поимкѣ, направлялись на Сахалинъ, гдѣ и содержались бы, съ употребленіемъ въ работы, во все время производствѣ объ нихъ слѣдствія, ограничивающагося, какъ извѣстно, справками противъ отбираемыхъ отъ нихъ при поимкѣ показаній.*

Этой мѣрой предполагалось достигнуть двухъ результатовъ:

Съ одной стороны—*устрашенія*. Полагали, что одна перспектива попасть на Сахалинъ побудитъ къ откровенности, вслѣдствіе чего меньше будетъ *непомнившихъ родства*, меньше будетъ *завѣдомо ложныхъ* показаній.

Томъ II-й. Вып. I-й.—Воспом. брод.

Съ другой стороны думали избавить казну отъ совершенно *непроизводительныхъ расходовъ*. Известно, что во все время производства слѣдствія, бродяги содержатся въ тюрьмахъ, а какъ слѣдствія, требующія переписки чуть ли не со всѣми полицейскими управленіями Имперіи, порой и съ воинскими начальниками, продолжаютъ *цѣлыя годы*, то весьма естественно, что содержаніе бродягъ въ тюрьмахъ, къ тому же въ совершенной праздности, представляется ничѣмъ не окупаемымъ бременемъ для казны. Ссылкой на Сахалинъ и обращеніемъ тамъ бродягъ на добычу каменнаго угля, думали съ одной стороны *избавитъ этого непроизводительнаго расхода*, а съ другой—*пресечь праздность*.

Присоединялось и еще одно соображеніе. Полагали, что потворство бродяжеству со стороны населенія, оправдываемое страхомъ мщенія отъ бродягъ, потеряетъ всякое значеніе, какъ скоро населеніе будетъ убѣждено, что *ссылкой бродягъ на Сахалинъ оно предохранено отъ ихъ возврата*.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть, на сколько эти ожиданія оправдались, замѣтимъ, что мѣра, о которой мы говоримъ, была предписана къ исполненію въ *административномъ* порядкѣ. Легальную опору этой мѣрѣ не давали ни 623, ни 632 ст. Т. XIV, такъ какъ первая, относясь, очевидно, до внутреннихъ губерній, разрѣшала бродягъ, до полученія отвѣта на посланныя по показанію ихъ справки, содержать въ арестантскихъ ротахъ, а, при немѣнни или же значительной отдаленности ихъ, обращать въ городскія работы. Вторая же статья, хотя и относилась спеціально къ Сибири и разрѣшала бродягъ, пойманныхъ въ Сибири, не помнящихъ родства, или дающихъ о себѣ лживыя показанія, обращать на казенные заводы и фабрики, но во 1) *послѣ наказанія ихъ*, на основаніи устава о ссыльныхъ, и во 2) она не допускала ссылки подобныхъ людей даже въ Нерчинскій округъ. Тѣмъ менѣе можно считать сообразнымъ съ этимъ закономъ обращеніе всѣхъ, даже не *осужденныхъ* бродягъ, на Сахалинъ, и употребленіе ихъ въ работы *одинакія съ каторжными*. Кромѣ того, ссылкой бродягъ на Сахалинъ почти что отмѣнялся или содѣлывался невыполнимымъ, изложенный въ ст. 627 Уст. о Пасп. и 849 Уст. о Ссыльныхъ, другой законъ, *обязывающій судить бродягъ на мѣстѣ поимки*. Дѣйствительно, въ видахъ исполненія этого закона, всякаго бродягу, попавшаго на Сахалинъ, хотя бы изъ Забайкалья, пришлось бы, по собраніи справокъ, подтвердившихъ или не подтвердившихъ его званіе, обращать для суда назадъ, въ мѣсто поимки, что было бы, конечно абсурдно, или же въ отмѣну закона, судить на мѣстѣ содержанія, а такъ какъ на Сахалинѣ, въ то время гражданскаго начальства не было, то, очевидно, что бродягъ пришлось бы присылать въ ближайшую Николаевскую полицію.

Посмотримъ теперь, какъ приводилась въ исполненіе самая мѣра, даже если и считать ее вполне соотвѣтствующей указанной ст. Т. XIV.

Въ этомъ отношеніи, и къ крайнему сожалѣнію, намъ остается подтвердить удостовѣреніе бродяги, воспоминанія котораго мы печатаемъ. Просимъ читателей обратиться къ 3 страницѣ. То, что пишетъ бродяга, *фактически верно*. Мы можемъ сдѣлать лишь одну оговорку. Въ первое время исполненія,

отъ того ли, что исполнители ходили, какъ въ туманѣ, отъ того ли, что они отнеслись къ дѣлу по чиновничьи и воспользовались случаемъ сбыть съ своихъ рукъ массу дѣлъ, хотя и простыхъ, но значительно портящихъ отчетность, *вѣрно*, что, по всему пути слѣдованія бродягъ, начиная отъ Ачинска и кончая хотя бы Маріинскомъ, не принималось никакихъ мѣръ „къ удостовѣренію личностей“ препровождаемыхъ, „не наводилось никакихъ справокъ, не дѣлалось никакихъ разборокъ“. Всякія въ этомъ отношеніи жалобы, заявленія, оставались безотвѣтными. Партіи бродягъ въ каждой тюрьмѣ принимались и затѣмъ выпроваживались далѣе. Заботливо избѣгали накопленія бродягъ, чтобы не подвергнуться запросамъ. Хотя все это и вѣрно, но надо сказать правду, что *на передаточныхъ пунктахъ помощь дѣлу было и трудно*. Взять, напримѣръ, бродяга въ Ачинскѣ, снято съ него показаніе, по немъ послана куда слѣдуетъ справка; при чемъ мѣсту, отъ котораго требовалась справка, указано, что отвѣчать оно должно въ Приморское Областное Правленіе. Затѣмъ, хотя бы справка направлена была въ сосѣдній округъ, переписка, заключающаяся въ отобранномъ отъ бродяги показаніи и отпускѣ съ исходящей бумаги, препровождалась въ Приморское Областное Правленіе, а арестанта, при партіонномъ спискѣ, отправляли на Сахалинъ. Представьте себѣ теперь, что на дорогѣ бродяги, какой либо стряпчій, по гуманнѣе, вздумалъ бы тронуться его заявленіями. Партіонный списокъ самъ по себѣ ему бы ничего не разъяснилъ. Справка, посланная на мѣсто первоначальнаго отправления, привела бы лишь къ одному отвѣту: *за отсылкой переписки въ Приморское Областное Правленіе справиться не по чемъ*. А Приморское Областное Правленіе, если бы его спросить, отвѣтило бы развѣ черезъ годъ. Впослѣдствіи, правда, года черезъ два, *когда горячка прошла*, и исполнители нѣсколько спохватились, характеръ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, мѣстами, перемѣнился. Въ Забайкальи, въ Верхнеудинскѣ, въ Читѣ, стали не только задерживать такъ называемыхъ сахалинцевъ, но высылать ихъ обратно въ тѣ мѣста, гдѣ они были взяты, при чемъ возникъ вопросъ о возложеніи расходовъ по обратной пересылкѣ на счетъ виновныхъ.

Надо замѣтить, что если первоначально слѣланное распоряженіе и можно было упрекнуть въ нѣкоторой неясности, то впослѣдствіи, въ виду неоднократныхъ разъясненій, не могло возникнуть и сомнѣнія, что *ссылка на Сахалинъ могла подвергнуться лишь тѣмъ бродягамъ, которые прямо показывали себя непомнящими родства или давали о себѣ показанія, очевидно-ложныя*. Между тѣмъ, исполнители развѣ попавъ на извѣстную точку, не унимались. Особеннымъ рвеніемъ въ этомъ отношеніи отличалась Енисейская губернія. Въ категорію сахалинцевъ попадали и дѣйствительно называющіе себя непомнящими родства, и бѣглецы каторжные, и отставные чиновники, мѣщане, крестьяне и казаки, виновные лишь въ отлучкѣ безъ паспорта или утратѣ его: въ одну категорію становились и тѣ, которымъ предстояло вынести плети и каторжные работы, и тѣ, которыхъ виновность, при окончательномъ разборѣ дѣла, не превзошла бы денежнаго штрафа или кратковре-

меннаго тюремнаго заключенія. Потрясающія сцены, о которыхъ упоминаетъ бродяга (стр. 8)—не выдумка. Это—факты и факты неоспоримые.

Мы далеки отъ мысли заподозривать исполнителей въ злоупотребленіяхъ. Въ этомъ случаѣ корыстныхъ цѣлей быть не могло. Мы объясняемъ излишнее рвеніе и абсурдность исполненія ничѣмъ инымъ, какъ чисто чиновничьимъ стремленіемъ, съ одной стороны, увеличить цифру переловленныхъ бродягъ, чѣмъ выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ передъ начальствомъ, съ другой стороны—въ желаніи сбыть съ отчетности какъ можно болѣе дѣлъ, вызывающихъ лишь одну неприятность,—получать всевозможные запросы, которые, въ свою очередь, влекутъ необходимость обременительной отписки.

Между тѣмъ, при подобнаго рода абсурдномъ, не говоримъ уже не гуманномъ исполненіи, *мѣра, сама по себѣ сомнительная*, потерявъ послѣдній признакъ легальности, обратилась въ *произвольную*.

Дѣло, впрочемъ, не ограничилось однимъ этимъ послѣдствіемъ.

При подобной системѣ набора сахалинцевъ, весьма естественно, что число наловленныхъ бродягъ достигло значительнаго размѣра. А такъ какъ бродяжество преимущественно развивается весной и лѣтомъ, процессъ поимки и препровожденія, какъ онъ ни былъ упрощенъ, все таки сложенъ и требовалъ значительнаго времени, то въ результатѣ оказалось, что цѣль едва ли была достигнута: на Сахалинъ, если и попали въ теченіе 2 лѣтъ бродяги, то, въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Такъ какъ препровожденіе на Сахалинъ и по Амуру приурочивается къ извѣстному, опредѣленному времени, рассчитать же время, при направленіи арестантской партіи, не такъ легко, то сахалинцы оказались сосредоточенными въ двухъ промежуточныхъ пунктахъ: въ Маринскѣ и Стрѣтенскѣ. Въ Маринскѣ ихъ употребляли на работы вмѣстѣ съ каторжными. Въ Стрѣтенскѣ же, по неимѣнію работъ, они содержались въ тюрьмахъ, а такъ какъ тюремныхъ помѣщеній не хватило, то волей не волей пришлось ихъ *перевести на Кару, идѣ и употреблять въ работу на томъ же основаніи, какъ каторжныхъ*.

Но, если оставить въ сторонѣ эти юридическія и чисто нравственныя соображенія, если даже поступиться гуманностью, какъ къ дѣлу не идущей, спрашивается, какіе именно результаты были достигнуты подобной мѣрой?

Выиграла-ли что либо казна?

Она положительно проиграла. Снимая съ нея расходъ по содержанію бродягъ въ тюрьмахъ, на мѣстѣ поимки, на нее возложили расходъ по препровожденію и содержанію бродягъ въ тѣхъ же тюрьмахъ, по пересылочному пути, и, наконецъ, въ Стрѣтенскѣ и Маринскѣ, при чемъ съ одной стороны расходъ по препровожденію и содержанію во временныхъ тюрьмахъ былъ гораздо значительнѣе, съ другой же стороны,—тѣ работы, которыми мѣстами были занимаемы сахалинцы, не окупали ни одного процента этого содержанія. Число содержащихся увеличилось. Болѣе половины людей, забранныхъ за безписьменность, при нормальномъ порядкѣ, или не попали бы въ тюрьмы, или если бы и прошли черезъ нихъ, то содержались бы не долго. Между тѣмъ, при новой системѣ преслѣдованія, производство дѣлъ естественно,

должно было замедлиться. Можно представить себѣ положеніе Приморскаго Областнаго Правленія, которое никогда не отличалось обиліемъ канцелярскихъ силъ и средствъ. Въ него внезапно со всѣхъ концовъ Восточной Сибири стали поступать переписки о бродягахъ. Одинъ систематическій подборъ этихъ переписокъ потребовалъ бы времени. Затѣмъ, изъ разныхъ концовъ Имперіи должны были поступать въ него же отвѣты. Допустимъ, что на половину они окажутся неудовлетворительными. Пришлось бы вести переписку чуть ли не со всей Сибирью. Но, если бы даже отзывы оказались удовлетворяющими, правленію пришлось бы по всѣмъ тюрьмамъ Восточной Сибири розыскивать бродягъ для предавія ихъ суду, такъ какъ въ предѣлы Приморской Области поступала едва ли и треть тѣхъ людей, переписки о которыхъ были посланы въ Николаевскъ. Какое же предстояло замедленіе въ производствѣ? Эта путаница, отражаясь на людяхъ, ложилась тяжелымъ бременемъ и на казну. Гдѣ же тутъ облегченіе казнѣ? Гдѣ же освобожденіе ее отъ непродвигательныхъ расходовъ?

Или, можетъ быть, въ вознагражденіе, достигнуть другой результатъ: уменьшенія бродяжества.

Что ссылка на Сахалинъ имѣла устрашающій характеръ—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Это заявляетъ и бродяга (стр. 4, 9), но, спрашивается, на кого она проявила подобное влияніе? На новичковъ, подобно автору „воспоминаній“. Но, если она и устрасила ихъ, то не на столько, чтобы воздержатъ отъ побѣговъ. Нельзя не признать страннымъ того факта, что элементъ устрашенія, присущій извѣстной мѣрѣ, проявляетъ себя результатомъ, диаметрально противоположнымъ желаемому. Въмѣсто предупрежденія бродяжества, оно еще поощряется. Въ нашу задачу не входитъ писать специальное изслѣдованіе о бродяжествѣ, а тѣмъ болѣе о мѣрахъ къ предупрежденію его, но не можемъ не высказать, что бродяжество,—недугъ слишкомъ сложный, чтобы можно было для страдающихъ имъ предугадать одно универсальное средство леченія. Тѣмъ труднѣе достигнуть этой цѣли однимъ устрашеніемъ.

При неизмѣни подъ руками численныхъ свѣдѣній, мы не можемъ, конечно, удостовѣрять положительно, что мѣра, прилагавшаяся съ такой суровостью и энергіей, въ теченіи двухъ лѣтъ, осталась совершенно безплодственной, но въ тоже время мы имѣемъ твердое убѣжденіе, что она ни сколько не уменьшила бродяжества. Цифра переловленныхъ бродягъ (ихъ было говорить, поймано болѣе 3 т.) никакого значенія не имѣетъ. Она думалъ въ томъ смыслѣ, что въ число бродягъ попали и такіе, которые, собственно говоря, и не составляютъ тѣхъ именно бродягъ, которыхъ имѣли въ виду. Очень можетъ быть, что пока система ссылки на Сахалинъ практиковалась, дѣйствительныхъ бродягъ стало и меньше, но результатъ этотъ во всякомъ случаѣ имѣетъ характеръ только временной. Позволимъ себѣ пояснить нашу мысль однимъ примѣромъ. Когда вышелъ новый рекрутскій уставъ (жеребевиный), намъ случилось слышать слѣдующій разговоръ между дѣльцомъ одного изъ рекрутскихъ присутствій и однимъ изъ его клиентовъ, разговоръ, послѣ-

довавший по окончаніи перваго по новой системѣ набора. „Что, спросилъ клиентъ, понагрѣли руки“. Нѣтъ, отвѣчалъ дѣлецъ, „Али по новому нельзя? Дѣлецъ улыбнулся. „*Не присмотрѣлись еще*, отвѣчалъ онъ подумавши. Въ этомъ словѣ, „не присмотрѣлись“ не заключается ли разъясненія того обстоятельства, что настоящихъ бродягъ, при угрозѣ ссылки на Сахалинъ стало менѣе, если только справедливо, что число ихъ уменьшилось, въ чемъ однако мы имѣемъ полное основаніе сомнѣваться. А что истые бродяги *присмотрѣлись бы*, а присмотрѣвшись, съумѣли бы обойти и Сахалинъ, а если бы попали на него, то и бѣжали бы съ него.— въ этомъ мы нисколько не сомнѣваемся.

Если такимъ образомъ, по нашему убѣжденію, системой ссылки бродягъ на Сахалинъ, два изъ указанныхъ выше результата (интересъ казны и уменьшеніе бродяжества), едвали были достигнуты, то спрашивается: какую же именно нравственную пользу принесла эта мѣра? Если справедливо, что цѣлью оправдываются средства, то нельзя ли, въ оправданіе мѣры, указать хотя одинъ полезный ее результатъ.

Нѣкоторые полагали, что населеніе стало относиться нѣсколько разумнѣе къ бродягамъ. Доказательство же этого разумнаго соотношенія усматривали въ томъ, что оно охотно (?) помогало начальству въ поимкѣ бродягъ, тогда какъ въ прежнее время, оно скорѣе препятствовало поимкѣ (?). Иначе т. е. относись населеніе равнодушно къ стремленію начальства, въ теченіи двухъ лѣтъ, не было бы переловлено 3 т. или болѣе бродягъ.

Мы не будемъ отвергать факта, что населеніе дѣйствительно помогло начальству, что едва ли не на половину сахалинцы были переловлены имъ, что это значило не только на бумагѣ, но было на дѣлѣ. Сознавая это, попытаемся разяснить этотъ фактъ.

Лица, приводящіе упоминаемый доводъ, исходятъ изъ того убѣжденія, что въ прежнее время, населеніе уклонялось отъ содѣйствія начальству въ поимкѣ бродягъ, изъ *страха*, что, вырвавшись изъ тюрьмы, бродяги отомстятъ, что это опасеніе ссылкой на Сахалинъ совершенно отстранилось, а потому народъ, при большей увѣренности въ своей безопасности, отнесся разумнѣе къ исполненію своего гражданскаго долга. Если бы даже этотъ выводъ и былъ справедливъ, то и тогда мы бы едва ли примирились съ самой мѣрой. Возбудить довѣріе въ населеніи, побудить его къ исполненію гражданскаго долга, обезопасить населеніе—прямое назначеніе администраціи, но цѣль эта должна быть достигаема не отступленіемъ отъ основныхъ началъ легальности, не мѣрами, которыя мислимы лишь подъ условіемъ совершеннаго отрицанія личности. Но, кромѣ того, справедливъ ли этотъ доводъ?

Что соображеніе о большей безопасности могло входить въ расчетъ народа,—отвергать нельзя, какъ нельзя отвергать дѣйствительности случаевъ мщенія населенію со стороны бродягъ. Но, на сколько извѣстно, всѣ приводимые примѣры имѣли характеръ мщенія отдѣльными личностями, а не цѣлому населенію въ тѣхъ случаяхъ, когда оно вынуждаемо было къ поголовному вооруженію противъ бродягъ. Подобныя поголовныя преслѣдованія, въ видѣ облавъ, совершались не рѣдко, и прежде, какъ будутъ совершаться, и

послѣ того періода времени, о которомъ идетъ рѣчь. Бродяги въ Сибири имѣютъ свой точно выработанный, своеобразный, нравственный кодексъ. Они враждебно относятся ко всякому измѣнническому поступку. Измѣнническимъ же поступкомъ относительно себя они признаютъ всякій подводъ, всякую засаду. Сдѣлавшему подобную засаду—они дѣйствительно мстятъ. И въ тоже время они сознаютъ вполне извѣстную обязательную необходимость подчиняться тѣмъ или другимъ требованіямъ начальства. Пойманные въ одинъ изъ такихъ моментовъ, они за подобную поимку, никогда не питаютъ злобы противъ деревни или противъ цѣлаго околка. Прямые доказательства этому можно найти въ „воспоминаніяхъ“. Населеніе само предупреждаетъ бродягъ, что наѣхало начальство и что путь не безопасенъ. Населеніе само иногда отказывается въ приемъ бродягъ, и тѣ, нисколько не сѣтуютъ и не сохраняютъ никакого неудовольствія, на подобную, вынужденную негостепріимность. Вообще, намъ никогда не случалось въ разговорѣ съ крестьянами слышать, чтобы снисхожденіе къ бродягамъ они оправдывали единственно опасеніемъ ихъ. За то не разъ случалось слышать „бродяги начинаютъ пошалить, надо поучить ихъ“. И эта проучка выражалась вскорѣ послѣ того облавой. Затѣмъ, не отвергая, что *мѣстами* а, кромѣ того, *временами* это соображеніе и могло имѣть нѣкоторое примѣненіе, мы убѣждены однако, что равнодушное соотношеніе къ бродягамъ объясняется ничѣмъ другимъ, какъ свойственнымъ сибирю сердоболіемъ къ „несчастнымъ“, отчасти же экономическимъ расчетомъ. Временами бродяги бываютъ нѣжны населенію. Они единственные для него, и наиболѣе выгодные, рабочіе. Въ этомъ отношеніи крестьяне скорѣе эксплуатируютъ бродягъ, чѣмъ на оборотъ. И винить въ этомъ случаѣ крестьянъ нельзя, коль скоро мы знаемъ, что кругобайкальская дорога проводилась не безъ содѣйствія бѣглыхъ каторжныхъ. Откуда же было взять рабочихъ устройтею дороги? Откуда же взять рабочихъ сельскому населенію, когда золотопромышленность отнимаетъ у него послѣднія рабочія руки, не останавливаясь даже передъ контрактами?

Если при существованіи этихъ двухъ уваженій, одного исключительно нравственнаго, другаго, пожалуй, своекорыстнаго, сахалинцамъ и пришлось плохо отъ населенія, то, повторяемъ, не потому, чтобы народомъ усвоено было, что ссылкой на Сахалинъ начальство его обезопаситъ. Ему, вѣроятно, никто и не разъяснялъ въ этомъ смыслѣ значенія принятой мѣры. — Успѣхъ поимки объясняется тѣмъ, что въ то время начальство принялось горячо за преслѣдованіе бродягъ, а подобные, періодически повторяющіеся порывы со стороны начальства, и въ прежнее время, вынуждали населеніе становиться на ноги. Но, кромѣ того, одновременно, были указаны двѣ мѣры, изъ которыхъ одна оказалась безспорно весьма практической.

Въ прежнее время, поймавъ бродягу, крестьянамъ приходилось карать его на мѣстѣ, затѣмъ препровождать его, по крайней мѣрѣ, до волостнаго правленія, т. е. верстъ за 60 и болѣе, на все это приходилось терять время и задолжать лишнихъ людей, а какъ бродяги ловились преимущественно въ рабочее время, то весьма естественно, что исполненіе гражданскаго долга

сопровождалось не малымъ ущербомъ. Въ 1871 году было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы пойманные бродяги принимались на этапахъ, откуда уже и препровождались по назначенію съ арестантскими партіями. Это облегченіе было дѣйствительно существенное. Очень можетъ быть, что оно не осталось безъ вліянія.

Что касается другой одновременно принятой мѣры, то она заключалась въ томъ, что право получать за пойманныхъ вознагражденіе по три рубля, предоставленное казакамъ, было въ административномъ порядкѣ распространено и на крестьянъ, съ тѣмъ притомъ противъ казаковъ удобствомъ, что это вознагражденіе должно было выдаваться тотчасъ по предъявленіи квитанціи въ сдачѣ бродяги, изъ волостнаго правленія, съ возвратомъ впоследствии изъ казны.

Мѣра эта, что ни говори, была рассчитана на самыя дурныя инстинкты населенія, и, къ чему скрывать, имѣла наибольшій отголосокъ. Этимъ то и объясняется тотъ сравнительно громаднй успѣхъ ловли, по кого? — не бродягъ, а всякаго рода людей, случайно, по неосторожности, ставшихъ въ одинаковое съ бродягами положеніе, на значительность числа которыхъ, какъ на доказательство практичности мѣры, ссылались партизаны ее. Но этотъ-то успѣхъ, въ нашихъ глазахъ, служить лучшимъ укоромъ самой системѣ. Деньгами не побуждаютъ къ исполненію гражданскаго долга. Сознаніе его проводится въ народное понятіе не трехрублевиками. Поэтому если-бы система, о которой мы толкуемъ, и не заключала въ себѣ другихъ очевидныхъ неудобствъ, если-бы она и исполнялась болѣе толково и справедливо, если-бы она и не сопровождалась посягательствомъ на личность, о которомъ мы упоминали, если-бы она имѣла прямымъ послѣдствіемъ нѣкоторое уменьшеніе зла, то и тогда, благодаря эту денежную премию, которою ее обставили, ее бы пришлось отнести къ числу самыхъ несоответственныхъ. Между тѣмъ она не принесла и той ничтожной пользы, которую ожидали. Правда, денежной приманкѣ поддались самыя порочныя элементы населенія, пропившіеся и промотавшіеся тунеядцы, которые этимъ путемъ добывали деньги на пьянство и кутежи. Есть указанія, что дѣло не обошлось и безъ спекуляцій. Благо деньги, разъ выданныя, не скоро получишь обратно. Но если эта черта и служить къ чести массы населенія, не поддавшейся на подобную удочку, то подобный успокоивающій человѣческое достоинство фактъ не говоритъ въ пользу самой мѣры. Между тѣмъ, если вѣрить автору „воспоинаній“, (ни утверждать, ни отрицать его словъ, по недостатку данныхъ, мы не можемъ), деньги, розданныя въ видѣ премій, взыскиваются обратно. Мы допускаемъ вѣроятность этого факта на томъ основаніи, что выдача премій была разрѣшена въ административномъ порядкѣ. Волостные Правленія, выдавъ ихъ изъ свободныхъ казенныхъ суммъ, находившихся у него въ сохраненіи, не получили ихъ обратно, такъ какъ казначейства, не имѣя въ виду кредита на покрытіе подобнаго расхода, весьма естественно не приняли къ учету квитанцій. Спрашивается что дѣлать волостнымъ начальникамъ? Платить свои деньги, но за что-же?

между тѣмъ, дополнить суммы необходимо. Иначе подвергнешься начету. Остается одинъ исходъ: взыскать обратно. Конецъ достойный начала!

Высказавъ все, что мы считали возможнымъ относительно той мѣры, о которой упоминается въ „воспоминаніяхъ“, мы не можемъ не заявить, что мѣра эта, къ счастью, отмѣнена со всеми послѣдствіями. Не безынтересно бы было знать: сдѣлали ли разборъ такъ называемыхъ сахалинцевъ? Возстановлены-ли они въ своихъ правахъ? Зачтено-ли невинно попавшимся время, проведенное ими въ арестантскихъ партіяхъ и въ каторжныхъ работахъ? Не безынтересны-бы были и статистическія данныя о томъ, сколько въ числѣ сахалинцевъ, оказалось дѣйствительныхъ бродягъ и сколько несчастныхъ жертвъ излишняго усердія?

Между тѣмъ и теперь еще попадаются люди, которые стоятъ за разобранную нами мѣру. Если не ошибаемся, то въ 1875 году, въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ была помѣщена корреспонденція изъ Канска, въ которой выражалось соболѣзнованіе объ отмѣнѣ ее, причемъ, какъ и слѣдуетъ, выставилось, что послѣдствіемъ этой отмѣны представляется увеличеніе бродячества, преступленій и т. д. и т. д. Эта тема излюбленная публицистами извѣстнаго закала и охотно поддерживаемая тѣми корреспондентами, которые любятъ гоняться за призраками. Мы нисколько не гарантированы, чтобъ подобныя мнѣнія оставались въ Сибири единичными. Очень можетъ быть, что они имѣютъ своихъ адептовъ.

Тѣмъ болѣе мы были-бы довольны, если-бы представленныя нами поясненія, касающіяся хотя недавняго, но тѣмъ не менѣе отмѣненнаго прошлаго, да и самыя „воспоминанія“, вызвавшія эти поясненія, были прочитаны со вниманіемъ. Намъ кажется, что въ нихъ заключается нѣсколько практическихъ поученій, которыя могутъ пригодиться и тѣмъ, которые изучаютъ вопросъ о бродячествѣ, какъ диллетанты, и тѣмъ, которые занимаются этимъ вопросомъ по обязанности. Сами мы надѣемся обратиться къ нему въ непродолжительномъ времени, при чемъ попытаемся разъяснить и истинный источникъ бродячества въ Сибири и способы, если не къ искорененію его, то, по крайней мѣрѣ, къ уменьшенію вредныхъ отъ него послѣдствій.

Издатель.

I.

Мертвая петля.

Въ Ноябрѣ 187* года, я прибылъ въ мѣсто своей ссылки, въ одинъ изъ самыхъ захолустныхъ городковъ Забайкалья. Что это за городъ, можно судить уже потому, что въ немъ нѣтъ ни одной постоянной лавочки, если не считать друхъ-трехъ питейныхъ заведеній, и рѣшительно

никакой промышленности. Единственный ремесленник, котораго имѣть городъ, — сапожникъ, но и у того, кажется, не всегда есть работа. Хлѣбопашествомъ жители почти не занимаются, такъ какъ ближе 15 верстъ отъ города нѣтъ удобной земли для этого: все лѣса и горы. Лѣтомъ, взрослое мужское населеніе уходитъ на Олекминскіе золотые промыслы, что вынесутъ оттуда, тѣмъ и живутъ. О заработкѣ-же въ самомъ городѣ нечего и думать. Теперь судите, каково было мое положеніе: 5 руб. и арестантское одѣяніе—вотъ все, что я имѣлъ по прибытіи въ ссылочный городъ, а тамъ пудъ хлѣба стоилъ въ то время около 3-хъ рублей! Но главная бѣда заключалась въ томъ, что, согласно судебному приговору, мнѣ была воспрещена всякая отлучка изъ города въ продолженіе 2-хъ лѣтъ.

Два года и пять рублей—величины, во всякомъ случаѣ, несообразныя, а между тѣмъ, какъ выйти изъ этого положенія, не выходя изъ города,—я не придумалъ ничего и съ ужасомъ посмотрѣлъ на свое будущее. Не бѣжать—значило обречь себя на тяжкое испытаніе нищеты и голода, а бѣжать—это былъ такой исходъ, на который я могъ рѣшиться лишь въ минуту полного отчаянія. Вѣчное скитаніе безъ крова, безъ вѣрнаго куска хлѣба, опасность жизни для сохраненія ея самой, а не для достиженія какой либо вышей цѣли, тюрьма, плети и каторга—вотъ исторія каждаго бродяги. Если поселенецъ, прикрѣпленный къ мѣсту ссылки, какъ я былъ прикрѣпленъ къ проклятому городу, носить на себѣ узелъ, стѣсняющій его движенія, ограничивающій свободу, лишающій возможности трудиться, то бродягу гнететъ уже не простой узелъ, а мертвая петля... И я пойду бродяжить, сдѣлаюсь своимъ самоубійцей...

Я съ ужасомъ прогналъ эту мысль. Однако-же прошло не болѣе 4 мѣсяцевъ, и я не только возвратился къ ней, но принялъ и осуществилъ, такъ какъ дѣйствительно другаго исхода не оказалось. Напрасно переходилъ я изъ дома въ домъ, умоляя дать мнѣ какую нибудь работу; горожане сами сидѣли безъ работы и могли мнѣ предложить только свое состраданіе и милостыню. Сначала я, было, сталъ отказываться отъ милостыни, но скоро голодъ взялъ свое, и я сдѣлался нищимъ... Только иногда призывалъ меня волостной писарь (въ городѣ помѣщается волостное правленіе) и усаживалъ переписывать какія нибудь бумаги. Нѣсколько дней, пока была работа, онъ кормилъ меня и давалъ ночлегъ, а затѣмъ безцеремонно выпроваживалъ, обѣщая позвать снова, когда будетъ нужно. Трудно передать, какимъ я подвергался лишеніямъ, но я перенесъ бы ихъ вѣроятно, еслибъ сюда не присоединялись униженія, сносить которыя я былъ уже не въ силахъ.

— Я бѣжалъ...

До Иркутска я дошелъ благополучно, но на первой же станціи отъ него, по московскому тракту, былъ арестованъ за безписьменность. Такъ-то затянулась моя мертвая петля, и не могу я съ тѣхъ поръ ни разрубить ее, ни распутать...

II.

Сахалинцы.

Для Восточной Сибири то было время самыхъ энергическихъ мѣръ къ искорененію бродяжничества. Сельскимъ и городскимъ властямъ разосланы были строжайшія предписанія задерживать всѣхъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Кругомъ пунктовъ, гдѣ предполагалось скопленіе бродягъ, устраивались облавы, дававшія иногда невѣроятно-большую цифру. Объявлена была премія въ 3 рубля за каждого пойманнаго и доставленнаго въ полицію бродягу. И многихъ тогда соблазнила эта пресловутая премія! многіе ради нея попустились вѣковымъ сибирскимъ обычаемъ выставлять на завалину хлѣбъ и молоко „для прохожихъ“, и вмѣсто помощи бродягамъ, цѣлыми десятками приводили ихъ къ начальству. Но любопытно, какъ круто поворачиваетъ иногда политика; прошло всего нѣсколько лѣтъ, и выдача премій не только прекратилась, но даже и деньги, розданныя въ видѣ премій раньше, стали выбиваться обратно въ казну вмѣстѣ съ податями...

Въ Иркутскомъ пересыльномъ замкѣ я встрѣтилъ громадное скопленіе лицъ, взятыхъ за безписьменность, и впервые услышалъ ту странную вещь, которая однако-же оказалась совершенно вѣрной впоследствии, что насъ, т. е. взятыхъ за безписьменность, кто бы мы ни были: бѣглые или не бѣглые, безо всякаго разбирательства, будутъ отправлять въ ссылку на островъ Сахалинъ. Дѣйствительно, эта была немножко странная вещь: въ числѣ арестованныхъ за безписьменность рядомъ съ бѣглокаторжными и бѣгло-ссылными, относительно которыхъ самая крутая мѣра не поразила бы никого, стояли ни откуда не бѣжавшіе мѣстные жители: крестьяне, казаки и мѣщане, все бродяжество которыхъ сводилось, можетъ быть, къ отлучкѣ безъ паспорта за нѣсколько десятковъ верстъ отъ своего мѣстожителства или къ потерѣ уже полученнаго паспорта. А между тѣмъ ни въ Иркутскѣ, ни дальше по дорогѣ къ Сахалину, не смотря на всѣ наши просьбы и заявленія, не было взято ни одной мѣры къ удостовѣренію нашихъ личностей, не наведено ни одной справки, не сдѣлано намъ никакой разборки, кромѣ медицинскаго освидѣтельствованія въ Нерчинскѣ,—почему вся эта разносословная и разно-

правная масса бесписьменных превратилась въ однородную и совершенн безправную массу „Сахалинцевъ“...

Впрочемъ, этотъ „огонь“, по мѣстному выраженію Сибиряковъ, эта „революція“ продолжилась не болѣе двухъ лѣтъ. Одна особа, проѣзжавшая черезъ Сибирь въ 1873 г., отнеслась съ участіемъ къ судьбѣ пострадавшихъ отъ новоизобрѣтеннаго „огня“, кажется, и побудила распутать ихъ дѣло. По крайней мѣрѣ, лежа тогда въ ачинскомъ тюремномъ замкѣ, я слышалъ слѣдующій отвѣтъ стряпчаго на вопросъ одного арестанта о своемъ дѣлѣ: „Теперь я вамъ ничего не могу сказать, повремените немножко. Теперь у насъ такая возня; 150 дѣлъ о Сахалинцахъ и все сѣшныя...“

Въ Иркутскѣ я пробылъ около двухъ недѣль. Въ самый день отправки, въ замокъ пріѣхалъ какой-то генераль и обратился къ намъ съ такими напутственными словами: „Съ Богомъ же, голубчики! Надѣюсь, мы больше не увидимся! Я выбралъ для васъ такое мѣстечко, откуда едвали кто-нибудь убѣжитъ. Ужъ если оттуда кто выйдетъ, иди прямо ко мнѣ, въ мѣщане запишу!“

Страшно было слышать такую угрозу. Говоря о „мѣстечкѣ“, генераль, очевидно, имѣлъ въ виду островъ Сахалинъ, а Сахалинъ рисовался въ нашемъ воображеніи самыми мрачными красками, и мысль сдѣлаться его невольнымъ обитателемъ пугала тѣмъ болѣе, что мы сами были убѣждены въ невозможности выйти оттуда. Тюремное преданіе сохранило разсказъ только объ одномъ счастливецѣ, который будто-бы выплылъ съ Сахалина на колесѣ. Впослѣдствіи я убѣдился, что такое мнѣніе о Сахалинѣ нѣсколько преувеличено; но до тѣхъ поръ, пока этого не было и пока я не ускользнулъ отъ самой опасности попасть на Сахалинъ, я находился въ какомъ-то безпокойномъ, почти изступленномъ состояніи...

На пути въ Нерчинскъ, жители селеній, черезъ которыя мы проходили, обнаруживали къ нашей партіи какое-то особенное, необычайно тревожное вниманіе и успокоивались только тогда, когда, пропустивъ всю партію предъ глазами, не встрѣчали въ ней ни одного знакомаго, ни одного роднаго лица. Но нѣсколько разъ происходили потрясающія сцены: около Верхнеудинска, напр., крестьянка узнала своего мужа, съ годъ тому назадъ ушедшаго на пріиски; при выходѣ изъ Нерчинска, другая крестьянка узнала сына. Долго несчастная старушка тащилась по нашимъ слѣдамъ съ воплями и причитаньями и отстала только тогда, когда офицеръ, сопровождавшій партію, увѣрилъ ее, что сыночекъ благополучно воротится, пусть только она подастъ прошеніе. Не знаю, хлопотала-ли старушка, но если и хлопотала, то безуспѣшно. Ея сынъ, во время нашего пребыванія въ Марьянскѣ сдѣлалъ попытку бѣжать, но

былъ пойманъ, и наказанъ плетьюми... Дальнѣйшей его судьбы я, впрочемъ, не знаю...

Когда мы прибыли въ Нерчинскъ, то новый тамошній замокъ, не смотря на свои очень почтенные размѣры, былъ уже набитъ сахалинцами сверху донизу. Поэтому насъ помѣстили въ старый замокъ, полуразвалившійся отъ дряхлости, въ которомъ нѣсколько лѣтъ уже никто не жилъ и только за недѣлю до насъ была помѣщена партія такихъ-же, какъ и мы, сахалинцевъ. Съ прибытіемъ нашей партіи переполнился и этотъ замокъ, такъ что тюремное начальство вынуждено было „принанять“ на время нѣсколько обывательскихъ домовъ и кромѣ того „за утѣсненіемъ мѣста“ значительную партію безписьменныхъ отправить на Карійскіе золотые промысла, гдѣ, какъ я узналъ впоследствии, ихъ употребляли на одни работы съ каторжными.

Я никогда не забуду картины, которую представлялъ старый замокъ во время нашего пребыванія въ немъ: полусгнившія, угрожающія паденіемъ стѣны, обрушенныя крыши, развороченныя печи, провалившійся полъ, выбитыя стекла, выломанныя рамы и двери—вотъ что представлялось взорамъ, въ какую бы сторону я ни посмотрѣлъ. Между печальными развалинами казармъ, бродили человѣческія фигуры, одѣянія которыхъ носили на себѣ слѣды такого-же разрушенія. За невыдачей казеннаго платья, всѣ были въ своей одеждѣ; но какова могла быть эта „своя одежда“ у людей, взятыхъ „кто съ бору, кто съ сосенки“,—можете вообразить сами. Впрочемъ, едвали кто вообразить слѣдующее: у человѣка нѣтъ ни рубашки, ни штановъ, ничего, кромѣ дыряваго мѣшка, покрывающаго туловище и завязаннаго у горла, причемъ руки и ноги совершенно обнажены, а между тѣмъ одинъ изъ обитателей стараго замка былъ наряженъ именно такъ, нѣкоторые-же другіе въ родѣ этого.

У большинства было только по одной безсмѣнной парѣ бѣлья. Отъ грязи тѣло покрывалось корой, отъ паразитовъ — язвами. Арестанты горячились:

— Да, что-жъ это начальство съ нами дѣлаетъ! почто не выдаетъ намъ одѣжи казенной?... Вѣдь, по положенію, слѣдуетъ намъ одежда,—ну, и подавай! Надо, ребята, просить.

А кого просить? Въ старый замокъ, пока тамъ были сахалинцы, ни разу не заглянулъ даже тюремный смотритель, о большемъ начальствѣ ужъ и говорить не приходится. Вертѣлись только какіе-то старички, исполнявшіе, по видимому, должность надзирателей. Нечего дѣлать, обратились къ старичкамъ:

— Не можете-ли похлопотать за насъ у начальства, выдали бы намъ одѣжу. Вишь, самимъ-то намъ никуда доступу нѣтъ.

— Ну ужь, откланялись намъ старички:—на счетъ одѣжи-то вы того... оставьте лучше!..

— Да какъ оставить—вша заѣла!.. помилосердствуйте!..

— Что же дѣлать! потерпите... а мы всетаки снисхожденіе маленькое сдѣлаемъ—станемъ водить васъ купаться.

Набрали человекъ 100, оцѣпили конвоемъ и повели купаться. Рѣка протекаетъ отъ стараго замка въ полверстѣ разстоянія; идти же къ ней нужно мимо обывательскихъ домовъ. Теперь вообразите, какое смятеніе произошло въ мирной средѣ обывателей при появленіи нашей грязной, оборванной толпы. Всюду изъ оконъ высовывались изумленные, то негодующія, то жалбующія, то плачущія, то смѣющіяся лица:

— Ма-атушка, а матушка! слышалось въ одномъ окнѣ:—сахалинцевъ ведутъ! Господи, какіе оборванные всѣ, жалкіе!.. Бѣ-ѣдные арестантики!

— Дѣ-ѣва, а дѣва! суетилась дѣвушка у воротъ другаго дома:—бѣги сюда скорѣй, смотри, смотри: вонъ какой-то жметя, прячется за другихъ... Ба-атюшка! да онъ, кажется, голый совѣмъ!..

— И што только нынче дѣлають, ворчала какаля-то старушка: набрали тьму народу, што и садить некуда и пошто берутъ—невѣдомо. Какой-то Соколинь-островъ проявили и шлють туда всѣхъ, кто ни попалъ, правыхъ и виноватыхъ вмѣстѣ, какъ прорву какую!..

Надо замѣтить, что за исключеніемъ Москвы, по всей російской державѣ нѣтъ города, который-бы такъ болѣлъ о несчастныхъ и такъ щедро дѣлалъ имъ подаенія, какъ Нерчинскъ, этотъ глухой бѣдненькій городокъ, не насчитывающій въ себѣ и 4-хъ тысячъ жителей.

Довольные своей выдумкой старички-надзиратели съ торжествующимъ видомъ встрѣтили выкупавшихся сахалинцевъ:

— Ну, вотъ теперь и полегче, и жить опять можно, даже безъ бѣлья, урезониваль насъ самый резонный изъ нихъ: а то посудите сами: эвона васъ сколько, напасется ли тутъ казна! ну, скажите, умные люди, напасется ли тутъ казна?

Дѣйствительно, напасется ли тутъ казна одѣжи, когда не хватило кой-чего посущественнѣе въ казенномъ смыслѣ—свѣжихъ кандаловъ: кузнецы не успѣвали выковывать ихъ въ потребномъ количествѣ... Съ наружной стороны замка, у самыхъ воротъ возвышался цѣлый холмъ старыхъ, покраснѣвшихъ отъ ржавчины, кандаловъ. Возвращаясь съ купанья, я съ уваженіемъ посмотрѣлъ на эту маститую кучу, успѣвшую отъ долговременнаго лежанія прорости травой, на эту кандалную пирамиду, для сооруженія которой, вѣроятно, не одно поколѣніе и пришло на каторгу. И не думалъ я, что по случаю недостатка свѣжихъ кандаловъ, эта достопамятность будетъ разрыта, между прочимъ, для украше-

нія моихъ собственныхъ ногъ. А это именно и случилось, когда изъ Нерчинска отправили дальше.

На возвратномъ пути съ купанья меня занимала еще другая картина: изъ-за не высокихъ палевъ стараго замка выдавались какіе-то причудливые конусы, а кругомъ конусовъ—живыя, движущіяся фигуры. Человѣкъ, не заглянувшій передъ тѣмъ внутрь острога, не сразу-бы сообразилъ, какіе это конусы, какія движущіяся фигуры и откуда взялись на развалинахъ стараго замка? А дѣло объяснялось очень просто: внутри зданій не хватило для насъ помѣщенія и конусы, видимые издали, были ничто иное, какъ палаша сахалинцевъ, построенные на мѣстѣ обвалившихся крышъ. Гдѣ-нибудь надо-же было укрываться отъ непогоды! Баня, кладовыя, карцеры—все было напряжено народомъ и даже на дворѣ, на голой землѣ расположилось нѣсколько группъ, примостивъ кой-какую защиту отъ дождя.

Въ Нерчинскѣ насъ подвергли медицинскому осмотру, такъ какъ на Сахалинѣ предположено было отправлять только людей крѣпкаго сложенія, способныхъ къ работѣ и имѣющихъ не свыше 50 лѣтъ отъ роду. По этому поводу вспоминается мнѣ смѣшной курьезъ, героємъ, или лучше, жертвой котораго былъ я самъ.—Привели насъ для освидѣтельствованія въ полицейское управленіе; на дворѣ тамъ выстроили въ шеренгу и командовали: „руки пошвамъ.“ Полковникъ Н., которому поручено было набрать и проводить на Сахалинъ первую партію взятыхъ за бродяжничество, сталъ обходить наши ряды, обращаясь съ вопросами къ нѣкоторымъ арестантамъ. Высокая, мрачная фигура молодаго еще полковника, суровый тонъ его вопросовъ, нетерпѣливое обращеніе—все это дѣйствовало на насъ задушивающимъ образомъ. Если кто-нибудь осмѣливался открыть ротъ для жалобы, полковникъ обрывалъ его на первомъ же словѣ. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ:

— Ты изъ *какихъ?* сурово спросилъ онъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Поселенецъ, ваше высокородіе!

— Дуракъ! развѣ то тебя спрашиваютъ: ты изъ *какихъ?*

— Я... я... изъ крестьянъ.

— А давно въ аду?

— Давно ужъ, ваше высокоблагородіе!

Неопредѣленный отвѣтъ, какъ видно, не понравился полковнику: онъ нахмурилъ брови и смѣрялъ меня своимъ мрачнымъ взглядомъ... Еще сильнѣе нахмурился полковникъ, когда замѣтилъ, что я держу руки вольно.

— Да, ты знаешь-ли, каналья, съ кѣмъ говоришь! заревѣлъ онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сжимая кулаки отъ бѣшенства:—знаешь-

ли, что я съ тобой все могу сдѣлать! Я тебя научу, какъ отвѣты давать начальству!.. какъ руки держать... Языкъ тебѣ скую, руки, ноги закую и къ столбу прикую!.. Взять его!

Тотчасъ же подбѣжали солдаты и, выхвативъ меня изъ шеренги, оттащили въ сторону. Но сколько ни суетились они, исполнить приказъ полковника въ точности было нельзя: при полиціи не оказалось ни кандаловъ, ни наручней, а нашелся только большой запасъ веревокъ. Нечего дѣлать, солдаты рѣшились воспользоваться тѣмъ, что есть, и прислонивъ меня къ фонарному столбу, крѣпко-на-крѣпко примотали къ нему этимъ веревками.

Между тѣмъ, внутри полицейскаго зданія производился осмотръ. Вызывали одного за другимъ. Наконецъ, очередь дошла и до меня. Какой-то чиновникъ высунулся изъ окна и закричалъ: Иванъ Березинъ! Я отозвался, но не имѣя возможности двинуть членами, продолжалъ, конечно, стоять на одномъ мѣстѣ. Черезъ минуту вызовъ повторился и вслѣдъ за тѣмъ изъ раствореннаго окна показалось сердитое лицо полковника, раздосадованнаго, вѣроятно, тѣмъ, что Березинъ такъ долго заставлялъ ждать себя, но увидѣвъ, въ какомъ я положеніи, полковникъ разразился хохотомъ.

— Вотъ дурачье-то! Посмотрите, господа, пожалуйста, обратился онъ къ другимъ лицамъ, находившимся въ комнатѣ:—что надѣлали наши бурята. ¹⁾ Я погорячился, велѣлъ заковать одного, а они вонъ какую штуку удрали!.. Развяжите!

Дѣло ограничилось тѣмъ, что полковникъ N взялъ меня на замѣчаніе, а заковать—такъ и не заковали, да по правдѣ-то сказать, не за что было не только заковывать меня, но и брать на замѣчаніе?

По осмотру, я былъ признанъ годнымъ для отправки на островъ Сахалинъ и попалъ въ первую-же партію, составившуюся изъ 210 человекъ. Кажется, было ясно, какъ день, куда ведутъ насъ, однако-же это не помѣшало полковнику N, сопровождавшему нашу партію, пресерьезно увѣрять насъ, что мы слѣдуемъ не на Сахалинъ и не въ работы, а на Амуръ и только на поселеніе. Разумѣется, никого онъ этимъ не разубѣдилъ: въ словахъ вышеупомянутаго генерала, какъ-бы суровы они ни были, мы усмотрѣли больше искренности. Да скоро, именно когда мы сѣли въ Срѣтенскъ на пароходъ и оттолкнулись отъ берега, полковникъ повинился и самъ, оправдываясь тѣмъ, что боялся вызвать безпорядки!

Впрочемъ, мы всетаки благодарны полковнику N: вопреки предписанію, онъ, на свою отвѣтственность, не заковалъ и не обрилъ насъ, огра-

¹⁾ Почти весь нерчинскій гарнизонъ состоитъ изъ бурятъ.

пичившись честнымъ словомъ, что, во время пути, мы поведемъ себя благородно и не станемъ дѣлать побѣговъ. Ржавые кандалы изъ старой кучи такъ мнѣ и не удалось поносить!

III.

Эпидемія побѣговъ.

Въ одномъ вновь возникающемъ городкѣ по нижнему теченію Амура, въ Марьинскѣ—насъ приостановили на время. Я не знаю, чѣмъ была вызвана эта приостановка, но пока, до новыхъ распоряженій, насъ прикинули къ ссыльно-каторжнымъ, присланнымъ въ этотъ городъ нѣсколько дѣтъ тому назадъ для работъ по его устройству, и, наравнѣ съ ними подчинили всѣмъ правиламъ каторжной тюрьмы. Поэтому, во все время своего пребыванія въ Марьинскѣ, мы постоянно употреблялись на тѣ же работы, что и каторжные, и единственное различіе, которое дѣлалось между нами и ими, заключалось въ томъ, что насъ не звали никогда каторжными, а всегда—сахалинцами. Если нужно было гнать на работу, то не кричали „каторжные на работу,“ а кричали „каторжные и сахалинцы, на работу!“ Конечно, это было небольшое утѣшеніе, но такъ какъ большаго не было, то мы дорожили и малымъ. Случалось мнѣ самому не разъ терять хладнокровіе, доказывая какому нибудь скептику, что насъ нельзя смѣшивать съ каторжными, приговоренными судомъ, что наше дѣло совсѣмъ другое...

Приостановка въ Марьинскѣ на нѣсколько мѣсяцевъ имѣла чрезвычайно большое вліяніе на судьбу нашей партіи. Отчаявшись въ возможности измѣнить свое положеніе какимъ-либо законнымъ путемъ, всѣ спѣшили воспользоваться представившимся въ Марьинскѣ случаемъ бѣжать. Сначала скрылось 6 человекъ разомъ, черезъ нѣсколько дней столько-же, а затѣмъ побѣги сдѣлались ежедневнымъ явленіемъ. Страхъ попасть на злополучный островъ достигъ такой силы, что мы способны были идти на самое отчаянное предпріятіе, и, какъ увидите изъ дальнѣйшаго, дѣйствительно шли. По рассказамъ нѣкоторыхъ бѣжавшихъ съ Сахалина и встрѣтившихся намъ въ Марьинской тюрьмѣ, мы составили себѣ самое безотрадное представленіе объ этомъ островѣ. Въ нашемъ воображеніи это былъ какой то конецъ свѣта, дальше котораго нѣтъ уже никого и ничего; безлюдная и бесплодная страна, вѣчно покрытая туманами и окруженная безпредѣльнымъ океаномъ-моремъ; живая могила, гдѣ люди безпрестанно хвораютъ и мрутъ, какъ мухи. То денная, то ночная работа въ подземельяхъ, суточный урокъ въ 10 мѣшковъ каменнаго угля, урокъ

чрезмѣрный, выполнявшійся съ большимъ трудомъ, или вовсе невыполнявшійся—вотъ что, по рассказамъ, ожидало насъ на Сахалинѣ. Отъ крайняго напряженія, силы постепенно выматывались и падали наконецъ до того, что никакими мѣрами понужденія невозможно было добиться отъ измученнаго арестанта выполнения его урока. Помогало только одно средство и то—изобрѣтенное самими-же каторжными—измучившись, убѣгать въ лѣсъ на отдыхъ и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока не истощался скудный запасъ пищи. Когда-же голодъ приводилъ бѣглеца обратно, его сбкли за самовольную отлучку, впрочемъ,—и только.

Всѣ эти рассказы бывалыхъ людей, иногда, можетъ быть, и немного преувеличенные, не были бы такъ страшны, еслибъ касались пункта, съ котораго легко убѣжать. Но бѣгство съ Сахалина вещь крайне трудная и крайне опасная. Вотъ въ двухъ словахъ рассказъ одного клейменнаго старика-каторжника о своемъ побѣгѣ съ Сахалина.

„Съ поста Дуэ насъ пошло 8 человекъ. Дѣло было въ началѣ Февраля. Одинъ скоро воротился—струсилъ. Двое погибли во время страшнаго бурана. Тогда же, вѣроятно, погибъ и гилякъ, на котораго мы набрели вскорѣ послѣ этого. Гилякъ, какъ сидѣлъ на нартѣ, такъ и застылъ. Собаки, на которыхъ онъ ѣхалъ, остались живы, и когда мы подошли, тѣснились около нартъ, словно дожидаясь, не проснется-ли хозяинъ. Застигнутые бураномъ, умныя животныя сомкнулись, вѣроятно, въ плотную кучу и постоянно мѣнялись мѣстами, среднія съ крайними спаслись такимъ образомъ отъ холодной смерти... Послѣ неимовѣрныхъ страданій отъ стужи и голода внятеромъ мы добрались до Николаевска. Здѣсь трое сами явились къ начальству и какъ благодарныя, просили посадить ихъ въ тюрьму. Наконецъ, и я съ остальнымъ товарищемъ сдѣлали въ Дарьинскѣ тоже: мы окончательно выбились изъ силъ.“

Не мудрено, что наслушавшись такихъ страстей, мы окончательно потеряли голову. Число бѣжавшихъ быстро стало увеличиваться, но самыя побѣги не вели ни къ чему. Совершенно не зная мѣстности, бѣжали куда глаза глядятъ. Одни шли въ Николаевскъ и къ заливу де-Кастри, путались по дорогѣ въ рукавахъ Амура, тонули въ прибрежныхъ озерахъ, вязли въ болотахъ, (а всѣмъ этимъ низовья Амура замѣчательно богаты) и въ концѣ концовъ попадали опять въ тюрьму, если только не погибали раньше. Въ Николаевскѣ ихъ скопляли и цѣлыми партіями возвращали въ Марьинскъ. Немного счастливѣе, впрочемъ, были и тѣ, кто бѣжалъ вверхъ по Амуру. И здѣсь мѣстность была также мало извѣстна и дика: одни гибли, другіе, умирая отъ голода и усталости, сами возвращались назадъ, третьихъ ловили и приводили. Одинъ, послѣ неудачной попытки бѣжать, съ отчаянія утопился; другой

отрубилъ себѣ кисть лѣвой руки, въ надеждѣ, что его признаютъ неспособнымъ къ работѣ и не пошлютъ на Сахалинъ.

Побѣги дѣлались или съ работы въ лѣсу, что не представляло никакой трудности, такъ какъ на артель въ 6 человекъ давалось только 2 конвойныхъ солдата; или изъ самой тюрьмы, что было еще легче, такъ какъ кругомъ нея не было ограды.

Что касается начальства, то оно мало смущалось этой эпидеміей побѣговъ и, хладнокровно взвѣсивая всю безплодность нашихъ попытокъ, не находило, конечно, нужнымъ бить тревогу изъ-за того, что мы обрекаемъ себя почти на вѣрную смерть...

IV.

Мой побѣгъ изъ Марьинска.

Быль Августъ въ концѣ. Ночью, черезъ потайной ходъ, вчетверомъ мы проникли на чердакъ, а оттуда никѣмъ не замѣченные спустились на улицу. Въ 12 верстѣ отъ города насъ поджидалъ еще товарищъ еврей. Въ числѣ другихъ арестантовъ онъ былъ посланъ „на рыбалку“. Еврей принесъ намъ достаточно хлѣба, а рыбы столько, сколько могъ поднять, кромѣ того, желѣзный котелокъ, ножикъ и даже топоръ. Отправляясь на рыбалку, артель запаслась провизіей на цѣлую недѣлю. Распоряжались ею сами арестанты. Поэтому безъ всякихъ затрудненій и съ общаго согласія еврей доставилъ намъ такой богатый запасъ.

Мы бодро пустились въ путь вверхъ по Амуру. Обезпеченные на нѣсколько дней, мы ужъ не имѣли теперь необходимости заходить въ юрты полудикихъ гольдовъ, встрѣча съ которыми лѣтомъ далеко не безопасна. Гдѣ-нибудь въ лѣсной глуши гольдь легко рѣшается на убійство, соблазняясь хлѣбомъ бродяги и рванымъ его платьемъ. Но любопытно, что паспорта служатъ охраной и среди гольдовъ и даже больше, чѣмъ въ средѣ русскаго населенія, гдѣ нашимъ паспортамъ довѣряютъ не очень-то много. Встрѣтивъ бродягу, гольдь первымъ дѣломъ спрашиваетъ „царь-печать“ т. е. бумага за подписью исправника, котораго они и величаютъ „царемъ“. Того, кто покажетъ „царь-печать“, гольды не тронуть, соображая, что если бумага есть, значитъ человекъ извѣстный и потеряйся такой человекъ, будутъ отъ „царя“ розыски. А гольды русской волокиты избѣгаютъ. Зимой бродяги не такъ боятся гольдовъ, потому что идутъ обыкновенно по льду Амура, по дорогѣ, гдѣ нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и проѣдетъ; а въ такомъ случаѣ слѣды убійства, еслибы гольдь отважился на убійство, могли-бы легко обнаружиться.

Путь свой мы старались держать всегда по берегу Амура,—так как, за отсутствием дорог и даже тропинок, русло рѣки для насъ было единственнымъ путеводителемъ, и уклонялись въ сторону только въ случаѣ какой-нибудь необходимости, напр., чтобы обойти непроходимое болото, неприступную скалу или гольдскую деревню. Если берегъ выдавался сухой и отлогій, то мы шли самымъ берегомъ. И не было легче такого пути по бездорожному и труппобному Амуру! Если на берегъ выходили горы и круто опускались въ воду, то мы шли хребтами, продираясь сквозь густыя, нетронутыя поросли, переползая по скалистымъ гребнямъ, то взбираясь, то опускаясь по утесамъ. Мѣстами молодой ельникъ такъ густо толпился передъ нами, что приходилось обращаться къ помощи топора. Кое-гдѣ путь загромождался поваленными бурей могучими стволами какихъ-нибудь хвойныхъ или лиственныхъ деревьевъ. При передѣзаніи черезъ нихъ легко сломать себѣ ногу или руку, поэтому мы предпочитали пропалзывать подъ ними, если это было возможно, или обходить, если было удобно. Часто попадались звѣриныя тропы. Если было по пути, то мы пользовались и ими, но тропы вдвойнѣ опасный путь: легко во 1-хъ наскочить на звѣря, легче чѣмъ гдѣ-нибудь, а во 2-хъ можно попасть въ „сторожбе“ и разрядить въ себя цѣлый градъ стрѣлъ, приготовленныхъ охотникомъ для звѣря. Человѣкъ неопытный или неосторожный можетъ нарваться какъ разъ и рискнуть жизнью, потому что, посредствомъ „сторожбевъ“, туземцы убиваютъ даже такихъ крупныхъ звѣрей, какъ лось и медвѣдь. Сторожбе устраивается слѣдующимъ образомъ: примѣтивъ, гдѣ звѣрь чаще проходить, разставляютъ кругомъ прохода сколько-нибудь самострѣловъ, иногда больше десяти, направленныхъ къ центру; въ центрѣ-же сходятся и веревочные приводы отъ самострѣловъ. Стоитъ только тронуть одинъ приводъ и стрѣлы разомъ посыплются со всѣхъ сторонъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ былъ обожженъ палами на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Это также облегчало намъ путь, въ существѣ дѣла все-таки крайне-медленный и крайне-томительный. Къ вечеру унадокъ силъ достигалъ обыкновенно такой степени, что, остановившись на ночлегъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, мы едва могли разложить огонь и вскипятить чаю. Спали всегда, какъ убитые...

Но чтобы не вводить никого въ заблужденіе на счетъ роскоши, которую будто-бы позволяетъ себѣ бродяга употребленіемъ чая, я долженъ оговориться, что чай бродяги вовсе и не чай, а просто-на-просто малиновый листь. Наберемъ, бывало, этого чаю цѣлый мѣшокъ (а по Амурскимъ берегамъ растетъ его видимо-невидимо) и, явившись въ деревню, разсыпемъ его на горячую печку; затѣмъ, слегка покроемъ теплой водой и чѣмъ-нибудь прикроемъ сверху. Когда листь подвянетъ, чай—готовъ. Получалось нѣчто ароматическое. Но малиновый листь—

это цвѣточный чай бродяги—это лучшій и доступный ему только лѣтомъ сортъ. Зимой-же, остановившись гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ сугробѣ, бродяга отыскиваетъ кустъ шиповника, также изобильнаго на Амурѣ, вырываетъ корень, крошитъ и завариваетъ. Получается нѣчто буровато-зеленое. Я знаю еще два сорта: стебель бѣлоголовника и березовыя шишки, дающія при завариваніи красноватый оттѣнокъ. Есть сорта, которыхъ я и не пробовалъ, да и нѣтъ возможности перечестъ все, что пить и ѣсть бродягѣ во время своихъ скитаній.

V.

Бродяжескій отецъ—благодѣтель.

Верстахъ въ 60 отъ Марынска на высокомъ берегу Амура стоитъ чистенькій домикъ, отлично извѣстный всѣмъ бродягамъ подъ именемъ Орѣшникова зимовья. На нѣкоторомъ разстояніи отъ домика помѣстилась просторная бѣлая баня, въ которую хозяинъ зимовья—Орѣшниковъ, принимаетъ всѣхъ проходящихъ мимо бродягъ. Никому нѣтъ отказа у Орѣшникова, зато никто изъ насъ и не обойдетъ своего отца-благодѣтеля. Рѣдкій день баня стоитъ безъ гостей, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ Марынскѣ открылась эпидемія побѣговъ, баня почти постоянно топится. Орѣшниковъ самъ, будучи русскимъ, крѣпко держится и русскихъ обычаевъ: всякій гость долженъ у него вымыться, выпариться и уже тогда отправляться въ дальнѣйшій путь.

Впрочемъ, не всѣ шли отъ Орѣшникова впередъ. Многіе возвращались назадъ въ Марынскую тюрьму, одни—потому, что не имѣли другаго намѣренія, какъ только побывать въ гостяхъ у отца—благодѣтеля и подышать волей. Другіе шли назадъ потому, что, хотя и думали идти дальше, но испытавъ какую-нибудь неудачу, на первомъ же шагу, упали духомъ и раздумывали, а третьихъ просто-на-просто отговаривалъ самъ отецъ—благодѣтель, опытность и совѣты котораго цѣнились нами очень высоко.

Добровольныя возвращенія въ Марынскъ дѣлались тѣмъ легче, что являвшихся съ повинной и въ скоромъ времени послѣ побѣга не отдавали подъ судъ и не подвергали наказанію плетьюми. Тюремное начальство, въ виду часто повторявшихся случаевъ „повинной“, стало держаться прекраснаго правила—медлить, сколько возможно, донесеніями о побѣгахъ, благодаря чему, каждый случай побѣга, окончившійся добровольнымъ возвращеніемъ и не записанный ни въ какую официальную бумагу, обра-

щалеся въ домашній проступокъ и влекъ за собой только дисциплинарное взысканіе.

Но кто-же этотъ Орѣшниковъ, бродяжескій отецъ—благодѣтель, и чѣмъ объясняется его такое горячее участіе къ бродягамъ? Все, что онъ временно получалъ отъ насъ, — это нѣсколько арестанскихъ пайковъ хлѣба, собиравшихся въ его пользу по подпискѣ, каждый разъ, когда онъ прїѣзжалъ въ Марьинскъ. Больше Орѣшниковъ не видѣлъ отъ насъ ничего. Поэтому его расположеніе къ намъ объясняется не какими-либо корыстными расчетами, а гораздо проще: онъ самъ былъ изъ „несчастливыхъ“, самъ испилъ до дна эту чашу и къ тому-же, какъ видно, въ немъ билось доброе сердце.

По происхожденію, Орѣшниковъ малороссъ. За какое-то тяжкое преступленіе онъ былъ осужденъ въ каторжныя работы. Нѣсколько лѣтъ провелъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ, а затѣмъ, когда была устроена первая каторжная тюрьма на островѣ Сахалинѣ, посланъ туда. Черезъ 2 года срокъ его каторги кончился, и ему предложено было поселиться въ низовьяхъ Амура. Но Орѣшниковъ думалъ не о томъ, его съѣдала тоска по родинѣ. Онъ сдѣлалъ одну за другой двѣ попытки бѣжать и каждый разъ неудачно. Тогда только сѣлъ онъ на томъ мѣстѣ, гдѣ живетъ и теперь, но за то сѣлъ ужъ прочно, сколотилъ избушку и усердно взялся за хлѣбопашество. Дѣло пошло хорошо. Онъ женился, и ведетъ уже теперь большую торговлю съ гольдами и гилляками, не покидая, впрочемъ, и земледѣлія; скупаютъ у туземцевъ рыбу и пушнину, а имъ доставляетъ все, въ чемъ они нуждаются. Я не берусь судить, на сколько добросовѣстно съ его стороны ведется эта торговля, и вообще отличается-ли она чѣмъ-нибудь отъ тѣхъ хищническихъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ обыкновенно просвѣщенные народы въ сношеніяхъ съ дикарями, но только бродяги въ голосъ говорятъ, что Господь благословилъ „нашего отца—благодѣтеля“. Онъ богатѣетъ съ каждымъ днемъ. Домъ его—полная чаша, что такъ рѣдко—на голодномъ Амурѣ, и притомъ чаша, открытая передъ всеми бродягами. Всякое опасеніе, что прохожіе—бродяги возьмутъ какую-нибудь вещь, сотворятъ какую-нибудь пакость, совершенно чуждо ему и не можетъ не быть чуждо. Орѣшниковъ знаетъ, съ какимъ грознымъ наказомъ своихъ товарищей приходитъ къ нему каждый гость, знаетъ, и не боится... И дѣйствительно, никто не помнитъ, чтобъ когда-нибудь случилась пропажа въ Орѣшниковскомъ зимовьѣ. Какъ Даніилъ во рвѣ львиномъ, живетъ Орѣшниковъ среди бродягъ, не чувствуя надъ собой никакой бѣды, не принимая никакихъ мѣръ предосторожности и всетаки оставаясь неприкосновеннымъ.

Когда мы подходили къ зимовью, Орѣшниковъ работалъ на огородѣ, но, увидавъ насъ, вышелъ на встрѣчу. Тутъ я увидѣлъ его въ первый

разъ и нашель вовсе не такимъ—какимъ воображалъ. Орѣшникову едва минуло 40 лѣтъ, а вся его фигура дышала такимъ избыткомъ силъ, что я невольно спросилъ себя: неужели можно вынести каторгу 1-го разряда и такъ сохраниться?

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, дорогіе мои гости, привѣтствовать онъ насъ, пожимая ласково руки.—Милости просимъ... да что, прибавилъ онъ, окидывая всѣхъ пятерыхъ, веселымъ своимъ взядомъ:—никакъ все новенькіе, по первому?

— А меня-то не призналъ, Сруля-то! смѣясь, вскрикнулъ еврей и схватилъ Орѣшникова за руку!.

— А! въ самомъ дѣлѣ, что-же я! Ну, извини, братецъ, извини. Помню, помню... ты мнѣ въ тотъ разъ что-то еще продавалъ.

— Трубку съ серебряной оправой!

— Такъ...—Да что-жъ мы тутъ-то стоимъ, спохватился Орѣшниковъ:—идемъ въ баню. А я сегодня только что проводилъ одного. Мѣсто свято не бываетъ пусто—такъ что-ли сказано въ писаніи?

— Кто былъ-то у тебя?

— Василій Семеновъ.

— А! Василій Семеновъ! да это вѣдь пѣтушинный царь нашъ! А куда онъ пошелъ, скажи намъ?

— Куда ему идти, какъ не назадъ! Да какой онъ и бродяга: жидокъ больно. Именно, что пѣтушинный царь. Ну, говорить, сломалъ походецъ, обломалъ свои бока—будеть! Теперь другу и недругу закажу...

— Во какъ, другу недругу... Ахъ ты пѣтушинный царь, куриная голова! Такъ всѣ вѣдь и говорили ему: не уйти тебѣ Васька дальше Орѣшникова. А хвосты-то, хвосты, развелъ какіе: ну, что, вы говорить, дряни, вы этакіе! съ вашими-ли умишками за такое дѣло браться, чтобы значить, съ Амура выйти. Вотъ што—нешто я попытаюсь. Никто ужъ и связываться-то съ нимъ не хотѣлъ. Скажетъ только, какъ начнетъ онъ *заливать*: ну, пошелъ, пѣтушинный царь, и отойдемъ подальше. Страсть дюжой былъ врать, и откуда что берется: безъ умолку, безъ умолку, а маленькій ростомъ-то, что и не видать отъ земли.

— Не говорите, братцы, согласился съ нами Орѣшниковъ:—я сразу раскусилъ его: пустая балалайка!

Проводивъ насъ въ баню, хозяинъ ушелъ, но скоро возвратился съ мѣшкомъ въ рукахъ; въ немъ мы нашли коврыгу хлѣба и сырой картофель. Затѣмъ онъ принесъ намъ двѣ свѣжихъ киты и предложилъ самимъ заняться кухней. Кита—это родъ красной рыбы, необыкновенно изобильной въ низовьяхъ Амура и отличающейся довольно пріятнымъ вкусомъ. Въ банѣ мы нашли всѣ кухонныя принадлежности и усердно принялись застряпню.

Поуправившись дѣлами, Орѣшниковъ снова зашелъ къ намъ и побесѣдовалъ до полуночи. Узнавъ, что я всего два года, какъ изъ Россіи, онъ закидалъ меня вопросами.

— Но неужели вы думаете пройти въ Россію? спросилъ онъ тономъ рѣшительнаго сомнѣнія.

— Думаю.

— И надѣетесь?

— Немножко надѣюсь.

— А я такъ думаю, что нѣтъ власти съ Амура выйти!

— Почему-же вы такъ думаете?

— А потому, видите-ли, что самъ пробовалъ, да нѣтъ; два раза и все неудачно, плети только получилъ. И на васъ-то вотъ смотрю, кто ни проходить, что мученики вы, изъ пустаго хлопочете.

Однакоже Орѣшниковъ не сталъ насъ сильно отговаривать, изъ-за того, какъ объяснялъ онъ, что „кто вѣдь васъ знаетъ, можетъ и есть между вами такой благородный человѣкъ, которому это удастся. Зачѣмъ-же я стану мѣшать, грѣхъ брать на свою совѣсть.“

Переночевавъ у Орѣшникова двѣ ночи, мы отправились въ дальнѣйшій путь, снабженные на нѣсколько дней хлѣбомъ, рыбой и картофелемъ.

VI.

Нападеніе гольдовъ.

На другой день мы имѣли встрѣчу съ гольдами, которая могла кончиться смертью для кого-нибудь изъ насъ. Передъ этимъ всю ночь и долго утромъ шелъ дождь. Когда же онъ пересталъ, мы разложили костеръ, обсушились и отправились, но при малѣйшемъ прикосновеніи къ деревьямъ, съ листьевъ падалъ новый дождь; трава была тоже необыкновенно сырая. Тогда мы спустились къ водѣ и попробовали идти берегомъ. Берегъ оказался довольно отлогимъ, такъ что съ грѣхомъ пополамъ идти было можно. Но едва мы отошли такимъ образомъ съ версту, какъ совершенно неожиданно очутились въ двухъ шагахъ отъ гольдской юрты, пріютившейся въ ущельѣ, почему мы и не замѣтили ее издали. Около юрты и въ юртѣ, казалось, никого не было, да и отступать все равно было поздно—значило-бы только навлечь на себя лишнее подозрѣніе. Что будетъ, мы рѣшились идти дальше, и сдѣлали еще съ версту, какъ вдругъ кто-то изъ моихъ товарищей закричалъ: гольды! мы оглянулись: по направленію къ намъ около берега, мелькала берестяная

лодочка—„омороча.“ Въ лодочкѣ сидѣлъ гольдь и изумительно-быстро работалъ своимъ двулопастнымъ весломъ. Омороча летѣла какъ стрѣла. Слѣдомъ на такой-же лодочкѣ посидѣвалъ другой гольдь. До нашего слуха донеслись явственно ихъ непонятные, но суетливые крики. Видно было, что пловцовъ занимаетъ какое-то горячее, экстренное дѣло. Неужели они гонятся за нами? Мудренаго ничего не было. Мы бросились въ гору, но берегъ въ томъ мѣстѣ опускался слишкомъ круто: бѣжать было нельзя. Стали карабкаться—другая бѣда: косогоръ, послѣ сильнаго дождя, сдѣлался страшно скользкимъ, — мы поминутно обрывались. Когда гольды были противъ насъ, мы не успѣли еще взобраться на гору и скрыться. Вытащить свои лодочки на берегъ, схватить винтовки, прицѣлиться въ насъ и дать выстрѣлъ было для нихъ дѣломъ одной минуты. Но, какимъ-то чудомъ, гольды промахнулись! И я до сихъ поръ удивляюсь этому: они стрѣляютъ, вообще говоря, очень мѣтко. Повторить нашимъ преслѣдователямъ однакоже не удалось: пока длилось заряжанье, мы успѣли взобраться на вершину горы и скрыться въ лѣсу...

Въ лѣсной глуши мы были безопасны. Кривоногіе гольды, конечно, и не подумали пуститься за нами въ догонку, зная, что русскіе вообще, а въ особенности русскіе бродяги, бѣгаютъ куда—лучше ихъ. Притомъ весьма вѣроятно, что они боялись въ лѣсу засады и рукопашной; гольды слабосильны и не нападаютъ тамъ, гдѣ нельзя пустить въ ходъ свою злодѣйскую винтовку... Разъ былъ такой случай: бродяга забрался въ одну юрту и что-то тамъ укралъ. Гольды поймали его, составили судьбище и приговорили челдона (такъ въ порывѣ горячности называютъ они бродягъ) ни больше ни меньше зарыть живаго въ землю. Приговореннаго же заставили для себя и яму рыть, а сами столпились кругомъ; одинъ—съ винтовкой. Но должно быть стрѣлокъ зѣвнулъ немножко, только въ одно мгновеніе бродяга очутился возлѣ него, выхватилъ винтовку, прорвался сквозь ошеломленную толпу и, бросивъ винтовку въ Амуръ, пустился бѣжать. Гольды ударились было въ погоню, да куда! его и слѣды простыли.

Гольдовъ нельзя, конечно, похвалить за то, что они дѣлаютъ изъ людей, хотя-бы даже преступныхъ и осужденныхъ людей, предметъ своей охоты, но надо быть справедливымъ и къ нимъ: не одно желаніе отбить у бродяги какое-нибудь рубище или кусокъ хлѣба побуждаетъ ихъ враждовать съ нами. Гольдамъ хорошо извѣстенъ одинъ случай, бывшій у гиляковъ. Съ Сахалина бѣжалъ какой-то каторжнѣй. Гиляки напали на него. Онъ сталъ обороняться, но въ порывѣ горячности, зашелъ такъ далеко, что положилъ на мѣстѣ 6 труповъ. Впрочемъ, если брать вообще, то случаи, гдѣ-бы обидчиками являлись бродяги, а обиженными—туземцы, бываютъ гораздо рѣже, чѣмъ случаи обратнаго характера.

Обыкновенно, вооруженный винтовкою гольдь или гилякъ нападаетъ на безоружнаго бродягу. Первые зачинщики почти всегда туземцы...

Скоро мы имѣли печальный случай убѣдиться, что не всеѣмъ удается такъ счастливо выходить изъ столкновенія съ дикарями. Было обѣденное время. Мы спустились къ рѣкѣ, выбрали удобное мѣсто и разложили огонь. Пока кипятился чай, я пошелъ собирать ягоды, а тутъ къ берегу выдалась какъ разъ не глубокая ложбинка, густо покрытая брусникой, и окаймленная кустами смородины. Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я остановился, какъ вкопанный: передо мной лежали въ рядъ два совершенно голые трупа; трупы попортились еще немного и мы безъ труда узнали въ нихъ своихъ товарищей, бѣжавшихъ изъ Марьинска недѣли двѣ тому назадъ. Одинъ оказался прострѣленнымъ на вылетъ отъ праваго боку къ лѣвому; у другаго мы нашли только одну рану на лѣвомъ боку. Должно быть, какъ они спали, гольдь-злодѣй подкрался съ боку и прикончилъ обоихъ съ одной пули. Мы вырыли могилу и, прочитавъ нѣсколько молитвъ, какія намъ были извѣстны, похоронили въ ней злополучныхъ товарищей...

Все какъ-то приуныли. Тяжелыя мысли тѣснились въ голову. Впереди лежитъ 9 тысячъ верстъ, пройдено какихъ нибудь 90, и ужъ разъ намъ грозила смерть, а теперь какъ-бы роковое предостереженіе, передъ нами группы убитыхъ и оборванныхъ товарищей. Не ждешь-ли и насъ такая-же участь?..

VII.

Наши враги.

Когда я отправился изъ Марьинска, то бывалые бродяги надавали мнѣ всевозможныхъ совѣтовъ. Къ кому зайти по дорогѣ, кого миновать, гдѣ лучше пройти, въ какой деревнѣ можно отдохнуть хоть цѣлую недѣлю—все это до малѣйшихъ подробностей было сообщено мнѣ и записано мной на бумажку для памяти. Но чего я ни подѣ какимъ видѣмъ не долженъ былъ дѣлать, это заходить въ страшное, „погибельное,“ какъ выражались бывалые бродяги, зимовье винокурово. „Винокуръ, говорили они, это врагъ нашъ—истребитель, Антихристъ богопротивный. Бѣда попасть ему въ когти — загубить.“ Я, конечно, полюбозытствовалъ какъ и съ чего бродяги могли нажать себѣ такого страшнаго врага и мнѣ рассказали слѣдующее. Какъ-то разъ въ винокуровомъ зимовьѣ, въ то время, какъ все семейство уходило на работу, случилась пронажа. Сильно вознегодовалъ винокуръ, когда пронажа обнаружилась и, догадываясь,

что это дѣло бродягъ, рѣшился отомстить на первомъ изъ нихъ, который попадется подъ руку. Ждать ему пришлось недолго. Вскорѣ послѣ этого проходило нѣсколько бродягъ вмѣстѣ. Винокуръ зазвалъ ихъ въ зимовье и тамъ съ помощью двухъ мужиковъ изъ деревни Сусликовой, (расположенной противъ винокурнаго зимовья, на другой сторонѣ Амура), жестоко съ ними расправился... Другіе бродяги, конечно, узнали объ этомъ и въ свою очередь рѣшились мстить. Нанадали нѣсколько разъ на зимовье, но съ хорошо вооруженнымъ винокуромъ трудно было бороться. Деревню Сусликову грозилась сжечь, и сожгли бы, прибавилъ рассказчикъ, да бродяги очень хорошо знаютъ и помнятъ, что кромѣ тѣхъ двухъ домохозяевъ, которые дѣйствовали за одно съ винокуромъ, въ деревнѣ есть два другіе (вся деревня—4 дома), которые, напротивъ, стояли за бродягъ. И винокуръ, и сусликовскіе живутъ поэтому въ постоянномъ страхѣ и никуда не ходятъ безъ оружія.

Съ высокаго Амурскаго берега мы завидѣли деревню Сусликову верстѣ 5 не доходя до нея. Но для насъ важно было увидѣть деревню Сусликову не потому, что тамъ тоже были наши враги,—деревня Сусликова стоитъ на другомъ берегу Амура, и съ этой стороны мы чувствовали себя въ безопасности,—а потому, что, увидѣвъ Сусликову, мы узнали вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ находится и зимовье винокура: напротивъ Сусликовой, слѣдовательно, у насъ теперь на встрѣчахъ. Во чтобы-то ни стало, нужно обойти „погибельное зимовье“, а такъ какъ оно на самомъ берегу Амура, то нужно было уклониться отъ берега въ сторону. Мѣстность благопріятствовала такому маневру; на берегъ вышелъ и раскинулся вдоль его просторный дугъ, покрытый травой, въ ростъ человѣка, благодаря чему, мы могли удалиться отъ берега, на довольно значительное разстояніе, не подвергая себя опасности заблудиться. Но другія обстоятельства были не такъ благопріятны и стоили намъ большаго переполоха. Идя по дугу, мы вдругъ услышали грозный, повелительный крикъ: „стой“!, раздавшійся гдѣ-то не подалеку, впереди насъ. Въ испугѣ, мы остановились.

— Стой, не трогайся съ мѣста! кричалъ невидимый, грозный голосъ, а то убью!..

Мы стояли, какъ окаменѣлые. Наконецъ, приподнявшись изъ-за высокой травы, мы разсмотрѣли нѣсколько мужскихъ головъ и два или три ружейныхъ дула шагахъ въ 50 отъ насъ. Мы инстинктивно пригнулись.

— Кто тамъ? донеслось опять до нашего слуха: бродяги?

— Бродяги! крикнули мы робко; но то обстоятельство, что наши противники вошли съ нами въ разговоръ, придавало всѣмъ духу. Мы не сомнѣвались, что имѣемъ дѣло съ самимъ винокуромъ, а отъ него, судя

по рассказамъ, слѣдовало ожидать болѣе крутаго обращенія. Разразился новый крикъ:

— Подойди кто-нибудь одинъ, остальные не шевелись!

Какъ было принять такое предложеніе, Богъ-знаетъ отъ кого? А если это коварная хитрость врага? Мы продолжали сидѣть въ травѣ, какъ куропатки, спрашивая другъ друга: не лучше-ли броситься въ разсыпную. Конечно, разсуждали мы, если эти люди питаютъ къ намъ злобу, если это винокуръ съ семействомъ, то они станутъ стрѣлять въ догонку, и легко могутъ убить кого-нибудь изъ насъ, но не убьютъ по крайней мѣрѣ всѣхъ, а если остаться здѣсь и ждать, когда они подойдутъ, то вѣдь всѣхъ могутъ перекрошить. Еще минута и мы, кажется, бросились-бы бѣжать, но въ это время крикъ повторился:

— Да подходи-же кто-нибудь одинъ. Не тронемъ!

Не знаю, какъ это ужъ случилось, я вскочилъ на ноги и отправился. Приближаясь я увидѣлъ группу изъ 6 человекъ, размѣстившуюся въ такомъ порядкѣ: впереди, съ трубкою въ зубахъ, стоялъ полусѣдой, сторбленный, но, судя по здоровому грудному голосу, еще крѣпкій и сильный старикъ; онъ-то и перекрикивался съ нами. Два молодыхъ парня держались сзади его съ винтовками, готовые дать выстрѣлъ по первому знаку. Рядомъ съ ними помѣстился мальчикъ лѣтъ 16 съ косою въ рукахъ. Двѣ женщины, также съ косами въ рукахъ, спрятавшіяся за парней, дополняли группу. Трава кругомъ только что была скошена. Когда я приблизился шаговъ на 10, старикъ остановилъ меня и повелъ слѣдующій допросъ:

— Откуда идете!

— Изъ Марьинска.

— Каторжные?

— Нѣтъ, изъ вновь прибывшихъ.

— Всѣ?

— Всѣ.

— А не врешь?

— Ну, вотъ, съ чего мнѣ врать.

— Смотри, плохо вѣдь будетъ, если врешь, да мы узнаемъ.

— Не вру!

Изъ этихъ вопросовъ, я окончательно убѣдился въ томъ, что имѣю дѣло съ кѣмъ-то изъ нашихъ враговъ. Онъ такъ настойчиво допытывался, нѣтъ-ли между нами каторжныхъ; вѣдь съ ними-то и враждовали крестьяне, ихъ-то и боялись, а мы, вновь прибывшіе, были тутъ ни причемъ. Между тѣмъ старикъ продолжалъ меня допрашивать.

— Знаешь-ли ты Ваську Уса?

— Знаю.

— Гдѣ онъ?

— Да когда я пошелъ, въ тюрьмѣ остался.

— А бѣжать не задумывалъ?

— Ужъ этого не знаю.

— А ты не врешь опять? не скрываешь?

— Да чего же мнѣ и скрывать-то, коли нечего!

— Ну, ладно... а мстить намъ не собираются?

— Кому мстить? и за что?

— Извѣстно кому—на кого вы зубы-то грызете?

— Мы на кого зубы грыземъ? А ни на кого мы не грыземъ: уйти бы какъ-нибудь отсюда, свою шкуру спасти—больше мы ни о чемъ и не думаемъ.

— Да! вотъ вы такъ рассуждаете, новенькіе! Вы-то, можетъ, и отъ чистаго сердца. А поговори-ка съ старожиломъ какимъ-нибудь, съ ка-торжнымъ, что онъ споетъ тебѣ. Вонъ Васька Усь: поди-ка потолкуй съ нимъ.

— И Васька прismsирѣлъ, и Васька нынче ужъ не то поетъ... Что говорятъ теперь бродяги, въ голосъ говорятъ? А то, что надо миновать какъ-нибудь не хорошія мѣста, да жестокихъ людей.

При этихъ словахъ старика какъ будто передернуло и онъ немного дрожащимъ голосомъ спросилъ:

— Какихъ-же это жестокихъ людей надо миновать?

— Мало-ли...

— Нѣтъ, все-таки?

Я потупился и ничего не отвѣтилъ. Поймите мое положеніе: я долженъ былъ бросить обвиненіе въ лицо. Я на это не рѣшился.

— Такъ знайте-же, громко и рѣшительно произнесъ старикъ, под-ходя ко мнѣ и подавая руку:—какіе мы жестокіе. Бабы, дайте-ка бродягамъ хлѣба и что еще есть въ мѣшкѣ такого—рыба? дайте и рыбы, и кваскомъ попойте.

Сцена совершенно перемѣнилась. Бабы, неподвижно слѣдившія за нашимъ разговоромъ, засуетились теперь около провизіи. Парни, все время стоявшіе съ ружьями, сложили ихъ на землю и занялись кто-чѣмъ. Мои товарищи, увидѣвъ, что дѣло приняло хорошій оборотъ, вышли изъ засады. Старикъ крикнулъ имъ, что-бы подходили смѣло, и когда мы все были въ сборѣ, пригласилъ насъ, не теряя времени, начинать завтракъ, а самъ повелъ такую рѣчь:

— Да! вотъ оно дѣло какое непутное, братцы! Вы жалуетесь на жестокихъ людей: обижаютъ, моль, проходу не даютъ, а мы трясемся за свою шкуру каждый часъ! Баба безъ мужика боится въ лѣсъ выйти; мужикъ безъ винтовки шагу не сдѣлаетъ! Ночь всю не спишь, ходишь

вокругъ избы, какъ окайный: спалить бродяги! Хоть бѣжать, такъ въ пору... И то собираемся прошенье писать, перевели-бы насъ отсюда въ такое мѣсто, гдѣ бродяги не ходятъ, отъ грѣха подальше... Такъ вотъ видите-ли, кому-же пользу приносить наша ссора? А никому! И наши, и ваши—всѣ въ накладѣ! Такъ-ли я говорю?

— Вѣрно, вѣрно! отвѣчали мы всѣ, какъ одинъ, и отвѣчали совершенно искренно.

— Такъ почто-же мы ссоримся? отчего не помиримся? Ну, если тамъ грѣхъ какой случился, такъ давно-бы и забыть пора. Дорого заплатились мы за свою горячку.

— Конечно, теперь если помириться, такъ не въ примѣръ лучше будетъ и намъ, и вамъ, и всякій бродяга, навѣрно, съ радостью согласится на это.

— Такъ вотъ что: пусть ваши бродяги заходятъ къ намъ смѣло, не только не обидимъ, а всячески поможемъ даже по силѣ возможности. Пусть зато насъ не тревожатъ...

— Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что наши переговоры, хотя мы постарались сообщить о нихъ всѣмъ, кому только могли, мало измѣнили отношенія бродягъ къ винокуру и къ сусликовскимъ. Опасаясь, что это не болѣе какъ хитрая ловушка, бродяги продолжаютъ не довѣрять, а крестьяне, видя прежнее недовѣріе, продолжаютъ бояться. Но, съ теченіемъ времени, когда опытъ докажетъ, что крестьяне искренно желаютъ мира съ бродягами, примиреніе должно состояться непременно,—того требуютъ интересы обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Изъ дальнѣйшаго разговора со старикомъ, къ общему нашему удивленію, мы узнали, что онъ и всѣ, кто тутъ былъ съ нимъ—сусликовскіе, а мы сначала до конца думали, что имѣемъ дѣло съ самимъ винокуромъ и его семьей. Это открытіе окончательно возвратило намъ присутствіе духа и мы безъ всякихъ стѣсненій стали отвѣчать на всѣ вопросы любопытнаго дѣдушки Степана—такъ звали старика. Узнавъ, что мы намереваемся пробраться въ Россію, дѣдушка Степанъ вспомнилъ свою родимую сторонку (онъ былъ вятскій и переселился на Амуръ по собственному желанію), поспѣвовалъ на свою теперешнюю горемычную жизнь и, въ концѣ концовъ, сказалъ намъ слѣдующее:

— Если Богъ вынесетъ кого изъ васъ въ Россію, то твердите вы тамъ ради Бога всѣмъ и каждому, бросили-бы эту дурь—переселяться туда, гдѣ баютъ, земли много; не вѣрили-бы сказкамъ про медовыя рѣки, да кисельные берега. Тѣсно, тѣсно дома. Здѣсь и просторно, да что толку-то: лѣса, да горы, да болота! А подъ пашню землицы, подъ сѣнокосъ—поди, да поищи! Вонъ мы: поселились на томъ берегу, а сюда за сѣномъ ѣздимъ!.. Нешто, и по здѣшнему мѣсту есть привольная земля,

да еслибъ мы сами ее выбирали! а то поставятъ столбъ, гдѣ начальникамъ вздумается,—и стройся. И не хотѣль-бы, да ничего не подѣлаешь. Нѣтъ, трудно, тяжело наше житье!

— Когда мы стали уходить, Степанъ пожалѣлъ, что не можетъ дать намъ много провизіи и посовѣтоваль, ни болѣе ни менѣе, зайти къ винокуру въ зимовье. „Скажите, молю, только, что послалъ насъ Степанъ Сусликовскій. Винокуръ для меня все сдѣлаетъ, дастъ вамъ и рыбы, и хлѣба. Только вотъ что, братцы: пусть идетъ изъ васъ кто-нибудь одинъ, а то... а то винокуръ горячъ, ватагой какъ явитесь, не разберетъ, напугается и—храни Богъ—схватится за револьверъ...”

Провизія наша приходила къ концу и совѣтъ старика былъ кетати, какъ нельзя болѣе. Но идти къ винокуру, о которомъ столько недобраго слышались мы отъ бывалыхъ бродягъ? Да притомъ и старикъ послать-то послалъ, а всетаки, что сказалъ? какъ разъ, молю, за револьверъ схватится,—горячъ, молю. Идти-ли ужъ?

Вотъ и зимовье глядитъ изъ-за лѣсу, раскинувшись на широкой полянѣ. Глухой высокой заборъ скрывалъ отъ посторонняго глаза избышку и только башенка на ея крышѣ, да труба выставились на видъ. Въ нерѣшительности мы остановились. Въ самомъ дѣлѣ, стоило-ли безъ крайней необходимости подвергать риску свою жизнь, это единственное благо, которое у насъ не было еще отнято. Попробовали вызвать охотника идти къ винокуру, но охотника не оказалось. Тогда мы повернули въ сторону и держась опушки лѣса, стали осторожно обходить не привѣтливое зимовье.

VIII.

Наше преступленіе.

Мы подвигались впередъ крайне медленно, до того медленно, что въ продолженіе двухъ недѣль послѣ встрѣчи съ сусликовскими мужиками, сдѣлали не болѣе сотни верстъ. Въ это время, вода на Амурѣ сильно поднялась и наводнила всѣ береговья низменности, превративъ ихъ въ болота и озера. Гдѣ были ручьи, явились рѣчки, часто настолько глубокия, что перейти ихъ въ бродъ—нечего было и думать. Не проходило дня, чтобы разъ или два мы не строили плотика. Правда, съ нами былъ топоръ, но постройка все-таки шла крайне медленно: надо было срубить нѣсколько деревьевъ, обчистить ихъ, сплотить, а для этого нарѣзать и напарить прутьевъ; кромѣ того, надо было сдѣлать два шеста. А съ однимъ топоромъ все это дѣлалось въ одни руки. Немудрено, поэтому, что, въ теченіи цѣлаго дня, мы дѣлали какихъ-нибудь 7—10 верстъ.

Но къ медленности присоединилась еще другая, горьшая бѣда. Было около половины Сентября. Суровая осень уже вступала въ свои права. Вода (въ Амурѣ) становилась холоднѣе съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ, то и дѣло намъ приходилось брести. Ломота въ ногахъ при погруженіи въ воду дѣлалась иногда просто невыносимой, не говоря уже о томъ, что мы подвергали себя сильнѣйшей опасности простудиться. Почти постоянно моросилъ дождикъ, а то шоль и ливень. Платье на насъ не высыхало. Мы дрожали отъ сырости и холода. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ спѣшили мы въ каждое жилое мѣсто, встрѣчавшееся на пути, въ сладкой надеждѣ, которая сбывалась, впрочемъ, не всегда, что насъ встрѣтитъ добрая хозяйюшка и пустить сейчасъ-же на горячую печь, гдѣ мокрое платье наше высохнетъ, а продрогшее и поспѣлое тѣло согрѣется и приметъ живой цвѣтъ.

На 13-й день послѣ встрѣчи съ сусликовскими мужиками, мы пришли въ одну маленькую деревеньку (7 домовъ.) Сердобольные новоселы позволили намъ отдохнуть у нихъ „день—другой—третій“. Но такъ-какъ насъ была дѣлая артель (пятеро), и одному хозяину содержать всѣхъ было-бы не подъ-силу, то для кормленія насъ разобрали по разнымъ избамъ, а для ночлега отвели въ стоявшую безъ употребленія водяную мельницу, въ полверстѣ отъ деревни.

Хозяйка, къ которой я попалъ на кормленіе, отнеслась ко мнѣ съ чувствомъ самаго живаго состраданія. Поэтому я былъ крайне удивленъ, когда она сказала слѣдующее:

— А все-таки, други мои, хотя вы намъ и не мѣшаете нисколько, а уходили-бы отсюда скорѣе.

— Почто-же, хозяйюшка?

— Да ужъ такъ, отвѣчала она уклончиво: добра вамъ желаю.

— Что-же это такое? ну, говори, прямѣе?

— Отъ бѣды подальше...

— Отъ какой бѣды?

— Да вотъ, понизивъ голосъ заговорила она таинственно: песь-отъ, что на краю деревни въ новомъ домѣ живетъ, какъ-бы онъ васъ не изобидѣлъ... какъ-бы въ ночное время къ вамъ на мельницу не пожаловалъ... Вѣдь онъ сусликовскимъ-то родня, и такой-же!..

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей получили подобное-же предостереженіе. Поэтому, когда пришла ночь, мы натаскали въ мельницу бревень и завалили ими входъ. Но внутрь помѣщенія можно было проникнуть еще другимъ путемъ—черезъ отверстіе около водянаго колеса, задѣлать которое прочно намъ не удалось. Пришлось учредить караульный постъ, и занимать его поочередно въ продолженіе всей ночи. Часовой

долженъ былъ сидѣть у опаснаго мѣста и ни подъ какимъ видомъ не засыпать. Ночь, однакоже, прошла безъ всякихъ приключеній.

Утромъ мы опять пошли въ деревню и на улицѣ встрѣтились съ тѣмъ самымъ мужикомъ изъ новаго дома, на счетъ котораго насъ предупреджали. Онъ, дѣйствительно, какъ-то дико и грубо обонелся съ нами, или, говоря проще, разругалъ насъ на всѣ корки. Но мы предпочли отмалчаться. „Песъ“ полаялъ и ушелъ.

На мельницѣ мы провели еще двѣ ночи. Между тѣмъ, наводненіе продолжалось, осень разыгрывалась, вода стала холодна, какъ ледь. Какъ теперь идти берегомъ? какъ брести? какъ, вообще, продолжать путь при такихъ условіяхъ? Сидя на мельницѣ, мы долго совѣщались на этотъ счетъ и пришли, наконецъ, къ тому заключенію, что какими-бы то ни-было способами надо достать лодку. Купить ее мы не могли, оставалось—украсть, на что мы и рѣшились. Но мы взяли лодку не въ той деревнѣ, гдѣ насъ такъ хорошо приняли,—мы не могли отплатить за благодареніе преступленіемъ, а когда наступила третья ночь нашего пребыванія на мельницѣ, послали двухъ товарищей за 7 верстъ въ другую деревню. Мимо этой деревни мы уже проходили и примѣтили тамъ на берегу нѣсколько лодокъ. Экспедиція увѣнчалась успѣхомъ. Къ утру товарищи возвратились въ лодкѣ и мы тотчасъ-же, не теряя ни минуты, отправились въ дорогу, а отъѣхавъ нѣсколько верстъ, сочли благоразумнымъ выйти на берегъ, взять на руки лодку и, забравшись съ нею въ хребетъ версты за 2 отъ берега, просидѣть тамъ безвыходно двое сутокъ. Мы боялись погони, которая, какъ оказалось впоследствии, дѣйствительно и была, но мы ускользнули благополучно.

Такъ-то вотъ бродяга доходитъ до преступленія. Но еслибы кто вздумалъ упрекнуть насъ за кражу лодки, то пусть вспомнить, что эта кража была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ другаго и, съ точки зрѣнія закона, болѣе тяжкаго преступленія—побѣга, а хватить-ли у кого-нибудь духу упрекнуть насъ за побѣгъ?..

IX.

Деревня и деревнюга.

Было воскресенье, когда мы подплыли къ Мылкамъ, одной изъ наиболѣе людныхъ деревень по нижнему теченію Амура (домовъ 20). По случаю праздника, всѣ были на улицѣ и, завидѣвъ насъ, выбѣжали на берегъ. Мужики, бабы, парни, дѣвушки, дѣти—всѣ были тутъ, и густой толпой тѣснились около лодки. Кто жалѣлъ, кто приглашалъ, кто ругался. Какая-то старушка даже запричитала:

— Ахъ, вы, горемычные! куда, вы, только, горемычные, идете... на вѣрную смерточку: потонете, безчастныя головушки, заблудитесь, звѣрь заѣстъ!..

Но дикіе возгласы пьянаго мужика заглушили слабыя ноты женскаго голоса.

— Што тутъ за люди? заоралъ онъ во все горло, проталкиваясь къ намъ сквозь толпу.—А! бродяги!.. да еще въ лодкѣ!.. лодку гдѣ-то украли, своровали... Ахъ, вы мошенники! вы, у меня, скажите, гдѣ своровали лодку? Волоки ихъ къ старшинѣ!

— Ну, ну! што больно расходился съ пьяныхъ-то глазъ! остановилъ его трезвый и, обратившись къ намъ, сказалъ:—Выходи, бродяги, не бойтесь! старшина не тронетъ.

— Вѣстимо, не тронетъ, слышалось чье-то сочувственное замѣчаніе изъ толпы:— ну, что, въ самъ-дѣлѣ, старшинѣ за дѣло? Вреда вы намъ никакого не сдѣлали, а что вы бродяги,—такъ охота намъ съ вами возиться, хлопотъ, да враговъ наживать.

— Вѣрно, вѣрно!.. люди чужестранные, помочь имъ должно, и не обижать. Мы не судьи, не чиновники!

Словомъ, мірскіе вѣсы окончательно склонились въ нашу сторону, и насъ повели въ деревню. Нужно сказать, что въ Мылки бродяги попадають очень рѣдко: Мылки стоятъ на дѣвомъ берегу Амура, а бродяги, вилоть до самой Хабаровки, ходять обыкновенно правымъ. Не удивительно поэтому, что, какъ рѣдкіе гости, мы произвели въ мирной деревенькѣ страшную суматоху своимъ появленіемъ. Въ избѣ, куда насъ позвали обѣдать, нельзя было повернуться отъ наплыва любопытныхъ. Кому не хватило мѣста внутри помещенія, тѣ засматривали въ окна съ улицы. Насъ заставили разказать всю исторію нашего многострадальнаго путешествія, удивлялись нашей смѣлости и выносливости, негодовали на гольцовъ, входили въ наше положеніе, желали всякаго успѣха нашимъ планамъ, но какой-то безпричинный страхъ къ намъ, потому только, что мы „все-таки бродяги,“ сдерживалъ это участіе въ границахъ и не позволялъ мылковцамъ помочь намъ такъ, какъ, повидимому, они хотѣли-бы помочь. Мы стали, было, проситься ночевать, но получили на это слѣдующій отвѣтъ самаго почтеннаго изъ „стариковъ“, случившихся тогда въ избѣ:

— Ну, ужъ, братцы, это дѣло такое... сами знаете. На видъ-то люди вы и хорошіе, да все-же бродяги. А, какъ начальство узнаеть?

— Ну, полно, старичекъ. Причемъ тутъ начальство—далеко до него... Такъ что-же, можно что-ли ночевать у васъ?

— Нѣтъ, рѣшительно заявилъ старикъ.— По нашему-то можете и можно, да не наше это дѣло—старшинское. Его надо позвать.

— Хорошо, согласились мы:—зовите старшину. Намъ все едино... Между тѣмъ какъ ребята побѣждали за старшиной, въ избѣ открылись пренія. Кто раскидывалъ умомъ, что, кажись-бы, и можно пустить бродягъ ночевать; кто находилъ, что никакъ этого не возможно, а кто такъ сумлевался: грѣха-бы не вышло да волокиты какой, но всё согласно прибавляли: да вотъ старшина придетъ, что онъ скажетъ. Изъ избы споры перешли на улицу въ уста подгулявшихъ мужичковъ. Подъ вліяніемъ лишней чарки, пьяные горячились болѣе трезвыхъ, и такъ какъ мнѣнія были различны, то началась перебранка и кончилась маленькой дракой. Но, вотъ, въ избу входитъ старшина, выслушиваетъ дѣло и рѣшаетъ его такъ:

— Нѣтъ, братцы, собирайтесь лучше въ путь - дорогу и побѣждайте съ Богомъ. Ночевать мы не можемъ васъ пустить. Вишь, васъ цѣлая шайка. Храни Богъ, какой грѣхъ случится,—мнѣ вѣдь придется въ отвѣтъ быть; скажутъ: старшина что глядѣлъ?.. Дали вамъ хлѣба, накормили, напоили, ну и тѣмъ будьте довольны, а ночевать можно въ лѣсу—теперь еще не зима, слава Богу!..

— Да и зачѣмъ въ лѣсу, пошлемъ ихъ къ безногой, вмѣшался опять старикъ и обратившись къ намъ, сказалъ:—Въ самомъ дѣлѣ, чего лучше, побѣждайте къ безногой. Тамъ вы никого не побезпокоите и можете жить хошь недѣлю; и больше.

— Къ какой безногой, куда?

— А вотъ только рѣку переѣхать, деревнюга будетъ, Нижне-Тамбовская, такъ туда. Правда, какая деревня—всего одна избушка, ну да вамъ мѣста хватить.

Переѣзжая Амуръ, по направленію къ Нижне-Тамбовской деревнюгѣ, мы имѣли случай воочию убѣдиться, какъ дорого иногда обходятся бѣднымъ новоселамъ нежданные капризы могучей рѣки: большой островъ, противъ дороги Мылокъ, весь былъ залитъ водой; стоявшіе на немъ цѣлые десятки стоговъ сѣна—растрепаны и увлечены бойкимъ теченіемъ, и только кое-гдѣ уцѣлѣвшіе остатки сѣна торчали на гладкой водяной поверхности.

Два маленькіе мальчика, съ неимовѣрно истощенными лицами, но съ такими выпуклыми животиками, что это невольно и сразу бросалось въ глаза, выбѣжали намъ на встрѣчу, когда мы подплыли къ берегу. Они, видимо, были обрадованы нашимъ приѣздомъ и стали кричать на перебой.

— А! бродяжки, бродяжки!

— Хлѣбца, небось, привезли намъ, добренькіе бродяжки? а мы ужъ давно-о, давно хлѣбца не ѣли...

— Бродяжки забыли насъ, недѣли двѣ не были...

— А мы все бѣгаемъ на бережокъ, все-е на бережокъ—посмотрѣть, не ѣдутъ-ли бродяжки...

— Вотъ и дождался!

Ребята бросились къ мѣшку съ хлѣбомъ и когда мы имъ дали по куску, жадно принялись ѣсть. Между тѣмъ, мы вошли въ избу: бѣдно, мрачно, пусто, словно тутъ никто и не живетъ.

Ребята усиѣли еще впередъ насъ и ужъ кричали:

— Мама, мама! Бродяги пріѣхали. Мама, бродяжки?

Съ печи послышался больной голосъ хозяйки:

— Милости просимъ, добрые люди!

Мы поздоровались.

— Какъ это Господь надоумилъ васъ зайти сюда? Забыли меня совѣмъ, никто не заглянетъ, развѣ, вотъ, ваша-же братія... хоть-бы смерть Господь послалъ.

— Больна, что-ли, хозяйюшка?

— Ой, какъ ужъ и больна-то, не приведи Господи: ноженьки отнялись. Маюсь, вотъ, два годика безъ малаго. Въ Марьинскѣ больше мѣсяца въ больницѣ лежала.

— А польза-то была-ли?

— Какая польза, когда и не лечили совѣмъ. Хуже прежняго стало. Мужъ взялъ дѣмой, и, вотъ, сижу теперь на своей печкѣ, не схожу, словно прикованная. Отъ простуды приключилось мнѣ...

— Что-же мужъ-то?

— Мужъ пьетъ. Вотъ, еще третьеводни послѣднюю коровенку свелъ. Совѣмъ сбился мужикъ... а все ты, говорить, виновата, чудище безногое, навязалась, моль, на меня заботушка. Съ горя, говорить, у меня и руки повисли: не знаю, моль, самъ, что дѣлаю... Дома совѣмъ не живетъ, а пріѣдетъ часомъ-когда, наловить рыбки, тѣмъ вотъ и питаемся... хлѣбушка такъ и вовсе нѣтъ. И то сказать, какое хозяйство безъ хозяйки... До моей-то хворости мы жили вѣдь не здѣсь, а въ Мылкахъ, и жили не хуже людей. А тутъ, какъ обезножила я, куда, что и дѣвалось! Мужъ началъ пить, началъ мотать, пашни не пахалъ, сѣно осталось не скошено... Передъ обществомъ оказалась неисправность, стали взыскивать, а онъ вѣдь нравный такой, гдѣ-бы перенести—не снесъ, разсорился, а потомъ, взялъ, да и переѣхалъ сюда.

— Чай, скучно, одной-то?

— Не говорите, такъ-ли скучно, такъ-ли скучно, что лучше-бы ужъ, кажется, умереть. Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ, а мученица. Дѣтей вотъ только жаль, малые: умру—на кого останутся...

— А родственники-то есть-ли у тебя?

— Здѣсь никого нѣту, а есть дядя—подъ Благовѣщенскомъ, да сестра. Вотъ подала прошенье, прошусь къ нимъ—не знаю что будетъ?

Между тѣмъ, какъ бѣдная страдалица продолжала раскрывать намъ свое горе, мы принялись застряну. Въ печкѣ, не топленной болѣе недѣли, развели огонь, вскипятили воды для чаю и сварили картофеля, привезеннаго нами изъ Мылокъ. Отощавшіе дѣти съ усердіемъ принялись опять за сѣбное, когда мы посадили ихъ за столъ.

— Какой у васъ хлѣбъ-то хорошій! восхищались мальчишки:—а у насъ хлѣбца и вовсе нѣтъ, только рыба да и то гнилая, гнилая! Мы на нее ужъ и смотрѣть-то не можемъ.

Больную хозяйку мы сняли съ печки и такъ-же посадили за столъ. Затѣмъ она попросила вынести ее на берегъ.

— Взгляну хоть на свѣтъ Божій и помоюсь въ водичкѣ, а то со-всѣмъ загнила и захирѣла на своей печкѣ... Бываетъ, окрѣвну маленько и сползу тогда съ печки... Только разъ такъ-то спустилась я на полъ,—ребятки помогли,—и выползла на бережокъ; хотѣлось тоже помыться. Подобралась только къ берегу, да такъ и ахнула: медвѣдь, откуда онъ и взялся, и прямешенько-то на насъ такъ и шастаетъ. Ребятки поси-нѣли всѣ, кричатъ, прижались ко мнѣ...

Я реву пуще того—испугалась, думаю, пришло мой конецъ... Шагахъ въ десяти сталь, проклятой, на заднія лапы, постоялъ, постоялъ, да какъ рывкнетъ, и бросился въ воду, и поплылъ на островъ. А я все кричу, да ужъ потомъ очухалась, думаю, еще воротится. И какая ихъ пропасть по здѣшнему мѣсту: нельзя изъ избы выйдти.

— Вы дядиньки, пристали къ намъ наивные ребята:—останьтесь у насъ долго, долго!—намъ будетъ веселѣе...

— А то мы боимся на бережокъ выйти, поиграть: сейчасъ мишка придеть!

Когда, на другой день, мы стали собираться въ дорогу, дѣти захныкали—такъ имъ не хотѣлось отпустить насъ.

— Поживите хоть еще денекъ, дядиньки! умолялъ одинъ, а другой повторялъ только: „добрые дядиньки, добрые дядиньки!“ и больше ничего.

Мы отдохнули-бы и подольше, не денекъ только, но эта картина безысходной нужды и неизлечимыхъ страданій была невыносима даже для взоровъ бродяги, привычныхъ ко-всевозможнымъ картинамъ.

А тутъ еще явился хозяинъ и обрушился на больную.

— Хоть-бы околѣвала скорѣе безногая тварь! зарѣзала ты меня.

Онъ не былъ пьянъ, когда говорилъ это, а что-же когда онъ пьянъ?

Мы торопились уѣхать оставивъ дѣтямъ почти всю нашу провизию: и хлѣбъ, и рыбу, и картофель. Дѣти плакали провожая насъ.

— А еще придуть бродяжки?—Вы посылайте!

— Мы опять, опять будемъ дожидаться.

X.

Арестъ.

— Дальнѣйшій путь до села О., гдѣ меня арестовали, я опишу лишь въ общихъ чертахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ была лодка, мы рѣдко заѣзжали въ деревни, а для ночлега выбирали обыкновенно какой-нибудь уединенный островокъ. Если же у насъ истощались запасы хлѣба, то мы посылали въ деревню кого-нибудь одного или двухъ изъ всей артели. Иногда въ прочемъ отправлялись и всѣ пятеро, но предварительно спрятавъ лодку гдѣнибудь въ прибрежномъ лѣсу. Такія предосторожности были необходимы.—Увидѣвъ у насъ лодку, никто не усомнился-бы въ томъ, что она краденая, а это сильно повредило-бы намъ въ глазахъ добрыхъ и гостепріимныхъ новоселовъ..

Вообще лодка, пріобрѣтеніе которой мы считали для себя на столько важнымъ, что не остановились даже передъ преступленіемъ, доставила намъ не мало хлопотъ и горя. Мы плыли противъ теченія, и потому постоянно одинъ или двое изъ насъ должны были сидѣть въ веслахъ. Правда, мы чередовались, но измучивались обыкновенно скорѣе, чѣмъ успѣвали отдыхать. Только и отдохнемъ, когда подуетъ попутный вѣтеръ и намъ удастся развернуть парусъ. Но это случалось и не часто, и не надолго: около берега вѣтеръ какъ-то все кружить—то въ одну сторону подуетъ, то въ другую; парусъ и трудно наладить, а удалиться отъ берега на болѣе или менѣе значительное разстояніе, хотя тамъ вѣтеръ и не такъ переменчивъ, мы не рѣшались. Не мало также мучились мы, когда случалось переѣзжать устье какой-нибудь бойкой амурской протоки. На стрѣлкахъ, гдѣ сталкиваются водныя массы двухъ рѣкъ, теченіе дѣлалось иногда до того быстрымъ и увлекающимъ, что мы по цѣлому часу бились на одномъ мѣстѣ. Сначала мы обрадовались лодкѣ какъ ни вѣсть-чему, а теперь съ удовольствіемъ бросили-бы и лодку, если-бы была хоть какая-нибудь возможность идти сухопутьемъ.

Часто блудили, попадая въ притоки, протоки и озера. Ниже устья Амуръ такъ щедро усѣянъ островами, и рѣчки вливаются въ него такъ часто, что потерять главное русло ничего не стоитъ. Надо много разъ проѣхать, прежде чѣмъ перестать путаться въ этомъ лабиринтѣ земли и воды. При томъ вслѣдствіе наводненія береговая линія утратила всякую опредѣленность. Затопленныя низменности превратились въ озера, пространствомъ иногда въ нѣсколько верстъ, и догадаться, что это только затопленныя низменности, а не постоянныя озера, можно

было по верхушкам кустовъ, виднѣвшихся кое-гдѣ на поверхности. Не разъ, оставивъ рѣку въ сторонѣ, мы ѣхали, по залитому лѣсу, хватаясь за вѣтви, торчавшія изъ воды. Но это былъ очень сбивчивый путь. Вода, здѣсь, если и движется, то безъ всякаго опредѣленнаго направленія, въ особенности когда бываетъ вѣтряно; по этому запутаться, потерять направленіе, уѣхать въ сторону и даже назадъ, было очень легко. Разъ по одной большой притоку Амура мы уѣхали въ сторону, по крайней мѣрѣ, вереть на 15.

Если сбившись съ пути, мы находили возможнымъ пробраться до Амура волокомъ, то брали лодку на руки и шли. Вотъ тоже мучительные были переходы: по трупамъ, по болотамъ. Легче было-бы въ такихъ случаяхъ волочить лодку по землѣ, но мы по необходимости таскали ее на рукахъ: лодка требовала самаго деликатнаго обращенія съ собою, она разрушалась съ каждымъ днемъ и не смотря на всѣ поправки, стала наконецъ давать такую течь, что постоянно одинъ кто нибудь изъ насъ сидѣлъ съ котелкомъ и отливалъ воду. Нѣсколько разъ мы ночевали въ самой лодкѣ, привязавъ ее къ дереву. Такъ и проваливаемся въ ней, какъ въ колыбели всю ночь. На лодкѣ же разведемъ огонь, сваримъ рыбы (въ чемъ мы ни когда не имѣли недостатка), обсушимся и согрѣемся. Не забывайте, что это было уже въ 20-хъ числахъ Сентября. Лилась обильные дожди, завывалъ и пронизывалъ насъ до костей холодный осенній вѣтеръ. Сушиться и грѣться было отчего.

До сихъ поръ, я ни разу не говорилъ о своихъ товарищахъ, да впрочемъ что и сказать особеннаго? Если мы различались между собою въ чемъ другомъ, то какъ спутники стояли на совершенно равной ногѣ. Труды и лишения падали одинаково на всѣхъ. Если выбивались изъ силъ, то выбивались всѣ, если голодали, то голодали опять всѣ. Блоручекъ и нахлѣбниковъ между нами не было. Только Сруль косою нарушалъ немножко общую гармонию. Правда, Сруль былъ смѣлый и честный еврей, да нѣженка—вотъ бѣда! И силенка у него была самая дѣтская, а съ виду хоть куда мужчина. Посадимъ Сруля въ вѣсла, часъ поработать, ужъ и мозоли кровяныя на рукахъ, и такъ бывало, уходитея, что послѣ цѣлый день никуда не годенъ. Сначала мы ссорились съ нимъ изъ-за этого, разъ даже въ Амуръ хотѣли спустить: мѣсто вышло такое трудное, всѣ выбиваются изъ силъ, а онъ почти ничего недѣлалъ, лежитъ себѣ какъ пластъ, на днѣ лодки, его же тащи;— да потомъ опять и раздумали, не притворяется же онъ въ самомъ дѣлѣ, куда дѣваться! Послѣ этого какъ-то разъ Сруль поразстроился съ здоревемъ и случилось идти волокомъ, такъ мы положили его въ лодку и несли на себѣ...

Но вот роковое село О. За какихъ нибудь 20 минутъ до нашего прибытія, около него остановился казенный пароходъ, слѣдовавшій изъ Благовѣщенска въ Николаевскъ. Еслибъ мы знали объ этомъ, то, конечно, выждали-бы когда онъ уйдетъ, предосторожность совершенно необходимая въ виду того, что на пароходѣ всегда найдется какой-нибудь пассажиръ—чиновникъ. Но мы этого не знали и попали какъ разъ въ бѣду, впрочемъ не всѣ, а только изъ пятерыхъ двое. Дѣло было такъ. Не доѣхавъ не много до села, мы сдѣлали приваль. Трое остались у лодки, а я съ товарищемъ отправились въ село за хлѣбомъ, надо же было такъ случиться, что среди улицы мы встрѣтили знакомаго офицера, изъ числа тѣхъ, которые служили въ Марьинскѣ. Офицеръ призналъ насъ и арестовалъ, а черезъ полчаса подъ его конвоемъ мы уже ѣхали обратно въ Марьинскъ на казенномъ пароходѣ.

Мои уцѣлѣвшіе товарищи не были впрочемъ счастливыѣ. Узнавъ, что мы арестованы, они отправились дальше, но на другой же день произошло слѣдующее: когда они стали проѣзжать мимо одной гольдской деревни,—гольды встрѣтили ихъ съ ружьями. Товарищи напугались, да такъ, что повернули назадъ и явившись въ село О. просили связать ихъ....

До села О. отъ Марьинска болѣе 400 верстъ.

XI.

Опять въ Марьинской каторжной тюрьмѣ.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ Марьинскъ я чуть было не угодилъ на островъ Сахалинъ и ускользнулъ только благодаря тому, что оказался догадливыѣ другихъ. Дѣло было утромъ. Мы вышли на работу не подозрѣвая ничего. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ насъ погнали обратно въ казармы. За чѣмъ такъ рано? до обѣда оставалось еще много времени. Пускаясь въ догадки, мы вспомнили, что утромъ пришелъ сверху казенный пароходъ. Ужъ не хотятъ-ли на этомъ пароходѣ отправить насъ, на Сахалинъ? Опасеніе было основательно тѣмъ болѣе, что если вообще были намѣрены посылать насъ на Сахалинъ, то отправкой слѣдовало поторопиться, такъ какъ приближалась зима, прекращеніе навигаціи... Кто былъ посмышленѣе, сейчасъ все это сообразилъ и вмѣсто того, чтобы идти въ казармы, ушелъ въ хребетъ пождать, чѣмъ кончится тревога. Я былъ въ числѣ послѣднихъ.

Между тѣмъ, въ казармахъ дѣйствительно набирали партію для отправки на Сахалинъ—въ 100 человекъ, такъ какъ пароходъ не могъ

вмѣстѣ болѣе. Шла перекличка, причѣмъ, въ первую голову вызывали тѣхъ, кто уже обнаружилъ склонность къ бродяжеству. Такимъ образомъ я попалъ-бы какъ разъ. Впрочемъ и то нужно сказать, что рѣдкій—кто не имѣлъ этой эпидемической, вынужденной положеніемъ, склонности. Оказавшихся на лицо, отводили всторону; если-же кого не было, какъ напр., всѣхъ сидѣвшихъ въ это время въ хребтѣ, то слѣдующій по списку заступалъ его мѣсто. Употреблялись, конечно, всѣ мѣры, чтобы не попасть въ роковую сотню.

— Помилуйте, вступались за себя нѣкоторые арестанты, когда ихъ ставили на мѣсто кого-нибудь изъ сидѣвшихъ въ хребтѣ:—какъ-же это такъ, на мѣсто другаго? Да онъ самъ долженъ быть здѣсь, сегодня на работу вмѣстѣ пошли... какъ-же это такъ, за что-же?..

Но имъ отвѣчали на это:

— Эхъ, господа, господа, да не все-ли равно? Теперь или послѣ—вѣдь всѣ тамъ будете...

— Такъ ужъ лучше послѣ.

— Ну, ну, становитесь! что тутъ разговаривать!

Къ вечеру партія отправилась и засѣдавшіе въ хребтѣ предусмотрительные люди, и въ томъ числѣ я, возвратились въ казармы.

Ускользнувъ отъ Сахалина, я не ушелъ однакоже отъ плетей, приговоренныхъ мнѣ „за побѣгъ изъ каторги“... Меня наказали 50-ю ударами, но какой цѣли, спрашивается, достигли путемъ моего нравственнаго позора и физической боли. Меня и не исправили и не обезличили, и не только не сдѣлали покорнымъ своей участи, а напротивъ, еще болѣе озлобили и дали твердую рѣшимость не покоряться тому, что требуется черезъ палку,—вотъ весь результатъ, нисколько не умаленный, не преувеличенный. На другихъ, впрочемъ, плети производили иное впечатлѣніе, но во всякомъ случаѣ не то, котораго добивался законъ. Я зналъ субъекта, который сумѣлъ воспитать въ себѣ какое-то стоическое равнодушіе къ тѣлеснымъ истязаніямъ. Это былъ клейменный каторжникъ, что немѣшало ему быть чрезвычайно добрымъ и симпатичнымъ человекомъ. Его звали Калиной Еремѣичемъ. Въ продолженіе пятилѣтняго своего пребыванія въ Маринскѣ, разъ, по крайней мѣрѣ, 6, бѣгалъ этотъ Калина Еремѣичъ и ни разу не уходилъ дальше Хабаровки. Предательскіе клейма на лицѣ обличали его каждый разъ, приводили назадъ въ тюрьму и валили подъ плети. Всякая надежда выйти съ Амура погасла въ немъ давно, и все-таки, едва наступала зима, онъ уходилъ. Если несчастливилось и приходилось возвратиться скоро, онъ уходилъ въ друго-рядъ.

— Зачѣмъ-же ты бѣгаешь? какъ-то разъ спросилъ я у Калины.

— Такъ неужто лучше сидѣть въ этомъ аду. Я хоша отдохну маленько да разгуляюсь, вольной волюшкой поживу. Я вѣдь съ тѣмъ ужъ и иду, што на побывку, моль.

— А плетями за это?

— Эхъ, што мнѣ плети, родной, волюшка дороже мнѣ, золотая моя волюшка... Да и обтерпѣлся какъ-то!

Систематическія истязанія не уничтожили въ Калинѣ даже шутилой черты его характера. Приходитъ, напр., смотритель въ камеру и спрашиваетъ у арестантовъ: ну, что, ребята, все-ли благополучно?

— Какое благополучно, ваше благородіе! шутиливо отвѣчалъ ему Калина. Бѣда, совѣмъ бѣда: кикимора одолѣла! кажинную ночь приходитъ и все людей таскаетъ.

— А Калину скоро кикимора утащитъ?

— Почемъ знать скоро-ли, какъ знать!

— Ну, да все-таки, чувствуешь Калина по себѣ... какъ все-таки?

— Да недѣльки двѣ надо подождать.

А смотришь черезъ нѣсколько дней Калинушкинъ и слѣдъ простылъ.

По поводу тѣлеснаго наказанія, нужно, впрочемъ, замѣтить какъ общій фактъ, что сибирскіе палачи щадятъ своихъ жертвъ настолько, насколько это возможно *при семифунтовой плети*. Тотчасъ, послѣ экзекуціи, арестанты подвергаютъ наказаннаго товарища тщательному осмотру, и если на его тѣлѣ окажутся ссадины и раны—знаки тяжелыхъ ударовъ—то палачъ иногда дорого платится за это нарушение общественнаго договора. Палачъ, обыкновенно, получаетъ отъ арестанта мѣсячное жалованье съ условіемъ—наказывать какъ можно легче. Страховыя товарищества отъ тѣлесныхъ истязаній существуютъ по всемъ сибирскимъ тюрьмамъ, гдѣ есть палачи. Всѣ арестанты обязаны участвовать въ товариществѣ и вносить на палача по силѣ возможности: богатые—больше, бѣдные—меньше. Кромѣ мѣсячнаго жалованья, которое нерѣдко превышаетъ 20 р., палачъ получаетъ маховые по нѣскольку копѣекъ съ каждаго удара. Въ Марьинскѣ, за неимѣніемъ денегъ, мы отдавали палачу свой хлѣбъ...

По возвращеніи изъ втораго побѣга въ марьинскую тюрьму я провель въ ней около 5 мѣсяцевъ. Все это время насъ гоняли на работу ежедневно, не исключая ни воскресныхъ, ни праздничныхъ дней. Для насъ не было праздниковъ, а все уваженіе къ воскресному дню выражалось тѣмъ, что мы въ воскресенье работали только до обѣда; послѣ-же обѣда ходили въ баню, такимъ образомъ, хожденіе въ баню было нашимъ единственнымъ праздникомъ, но за-то ужъ и цѣнили мы его!—Мы ждали бани, какъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Не имѣть въ теченіе недѣли ни одного дня, вполне свободнаго отъ работъ, было для насъ тѣмъ болѣе чувствительно, что мы употреблялись на крайне тяжелыя и, при плохомъ питаніи, крайне изнурительныя работы. Артель, составленная изъ 6 человекъ, должна была въ продолженіе дня, срубить въ хребтѣ вереть за 5 отъ города 4 строевыхъ лиственныхъ дерева, обчистить ихъ и на себѣ притащить въ городъ: 2 дерева—до обѣда и 2—послѣ обѣда. Урокъ оставался неизмѣннымъ для всѣхъ сезоновъ, и лѣтомъ кое-какъ еще исполнялся. Но вотъ наступила осень, дни стали короче; дожди, грязи, холодъ. Съ каждымъ днемъ мы дѣлались неисправнѣе. Выступили на сцену дисциплинарныя мѣры: розги, карцеръ и лишеніе горячей пицци, а то и хлѣба. Провинившихся было такъ много, что ни розги, ни карцеръ не представлялись уже мѣрами удобоисполнимыми, но за-то лишенія пицци—было легко примѣнять, и смотритель тѣмъ болѣе сочувствовалъ этой мѣрѣ, что она была выгодна для его собственнаго кармана.

Арестанты, разумѣется, голодали, а такъ какъ голодь не тетка, то волей-неволей пускались на выдумки, дѣлая по временамъ вылазки и набѣги на обывательскія кладовыя, курятники и амбары. Но охотники, имѣвшіе дѣлю добыть только чего-нибудь съѣстнаго, обыкновенно не заглядывали въ комнаты, поэтому, не производили большого переполоха между горожанами. При мнѣ былъ только одинъ серьезный случай, но за то сопровождавшійся такими потрясающими сценами, что я рѣшаюсь упомянуть о немъ. Четверо изъ каторжныхъ (они, какъ старожилы, знали уже въ городѣ всѣ входы и выходы и дѣйствовали, поэтому, смѣлѣе и рѣшительнѣе новичковъ - сахалинцевъ) забрались въ спальню къ батальонному командиру. Тотъ проснулся. Его, было, схватили за горло, но онъ вырвался и убѣжалъ. Вслѣдъ за нимъ выскочили и воры, захвативъ шкатулку съ 400 рублями и благополучно возвратились въ казармы. Утромъ, чуть свѣтъ, батальонный командиръ явился къ смотрителю и, заявивъ ему подозрѣніе на арестантовъ, пожелалъ видѣть всѣхъ насъ въ лицо. Когда насъ вывели на улицу и поставили въ ряды, онъ, дѣйствительно, сразу призналъ двоихъ, тѣхъ самыхъ, которые душили его за горло. Но, уличенные не сознавались и не хотѣли выдать остальныхъ соучастниковъ. Ихъ заперли въ темные карцера.

Смотритель волновался и бѣсился, приставаая къ намъ съ вопросами: кто тутъ еще былъ и гдѣ деньги? Но, всѣ увѣщанія смотрителя были напрасны: одни изъ насъ ничего не знали, другіе не хотѣли быть доносчиками. Сдѣланъ былъ повальный обыскъ, но деньги не нашлись.

Тогда смотритель обратился къ мѣрамъ строгости. До того времени мы ходили безъ кандалъ и съ небритыми головами,—насъ всѣхъ обрили и заковали. До того времени нѣкоторые сторожилы-каторжные, своею

угодливостью сѣумѣли заслужить такое расположеніе зрителя, что онъ открыто пускалъ ихъ въ городъ и дѣлалъ разныя другія снисхожденія. Теперь всему этому положенъ былъ конецъ. Потерпѣли, потерпѣли эти участники, да и надумались пойти къ зрителю съ такимъ предложеніемъ: позвольте, молю, намъ самимъ допросить виноватыхъ, дѣло-то будетъ вѣрнѣе.“ Зритель далъ свое согласіе. И вотъ начинается арестантскій допросъ. Дѣло происходило утромъ. Въ камеру каторжныхъ, которая была расположена какъ разъ напротивъ нашей, вошелъ зритель въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ. Затѣмъ введенъ былъ одинъ изъ уличенныхъ въ кражѣ у батальоннаго командира. Насъ не впустили туда, но такъ какъ мы не были заперты, то, выйдя въ корридоръ, черезъ дверное окошечко, свободно могли наблюдать всю процедуру. Когда ввели перваго, онъ обратился къ присутствовавшимъ арестантамъ съ слѣдующими словами:

— Братцы! виданое-ли это дѣло, чтобы арестантъ допрашивалъ своего-же брата арестанта? Мало вамъ казенныхъ-то судей!

Всѣ смутились, но въ присутствіи зрителя никто не осмѣлился громко выразить вору свое сочувствіе и только тѣ изъ каторжниковъ, которые затѣяли всю эту исторію, бойко выступили впередъ и взялись за вора.

— Что тутъ хныкать, баба что-ли, какая! говори лучше, гдѣ деньги, да кто еще съ вами былъ?...

Но обвиняемый ни въ чемъ не сознался и никого не хотѣлъ выдать.

— А! такъ ты еще отпираться... ладно... а вѣдь когда-нибудь скажешь-же, не безъ того?

— Никогда я не скажу, потому, ничего я не знаю.

— Ну, а вотъ если уточку изъ тебя сдѣлаемъ—тогда вотъ какъ!

— Дѣлайте что хотите, я ничего не знаю.

— Нечего дѣлать, придется уточку... тащите-ка сюда веревокъ...

Слышь?

— Ничего я не знаю!

— А вотъ узнаешь.

Притащили веревокъ и начали дѣлать изъ вора уточку: стянули однимъ концомъ веревки его руки по выше локтей, другимъ—связали ноги, всунули палку и давай закручивать, пока бѣдняга не выгнулся въ колесо, не застоналъ и не почернѣлъ какъ уголь.

— Гдѣ деньги?

— Скажу... прохрипѣлъ онъ.

Развязываютъ.

— Ну, гдѣ-же.

Воръ молчитъ.

— Что-жь ты издѣваешься надъ нами?

Молчить.

— Утку ему!

Воръ встрепенулся и быстро проговорилъ:

— Я скажу...

— Ну?

— Деньги зарыты подъ большимъ деревомъ...

— Гдѣ?

— Противъ казармъ.

— Иди, показывай—гдѣ.

Но воръ не шевелился съ мѣста.

— Ты, что-же, ну?

Молчить и не шевелится.

— Ну, тебѣ говорить!

Не шевелится.

— А, такъ ты видно набрехалъ, что подъ деревомъ?

Опять молчить.

— Заставимъ-же мы тебя сказать, гдѣ деньги! Утку ему, да не такую!

Дѣйствительно, закрутили несчастнаго такъ, что, вскрикнувъ раза два, онъ лишился чувствъ. Затѣмъ опять ослабили веревки и, когда онъ очнулся, снова пристали къ нему—„гдѣ деньги“? Воръ указалъ на новое мѣсто, но опять совралъ. Тогда его скрутили въ третій разъ, бросили въ сторону и принялись за другаго...

А мы все смотримъ. Наконецъ, кто-то не выдержалъ и заговорилъ:

— Да на что-жь это въ самомъ-дѣлѣ похоже, братцы, чтобы арестантъ пыталъ своего-же брата арестанта... Неужели ужъ и заступиться некому?

Этого было достаточно. Въ одно мгновеніе вылетѣла дверь и стремительной волной мы ворвались въ засѣданіе; мигомъ перерѣзали веревки, бросились на неприванныхъ судей и выволокли ихъ въ корридоръ. Смотритель и конвойные были смяты, а какъ были избиты судьи, страшно и подумать; за нихъ никто не заступился, напротивъ и тѣ, кто раньше, повидимому, равнодушно смотрѣли на происходившія передъ ихъ глазами пытки, присоединились теперь къ намъ и наносили побои...

Такъ-то закончился арестантскій допросъ и никому въ голову не пришло преслѣдовать насъ за то, что на незаконное и возмутительное дѣло, допущенное смотрителемъ, мы отвѣтили кровавымъ самоуправствомъ...

Перебирая воспоминанія изъ своей жизни въ марьинской каторжной тюрьмѣ, я не нахожу между ними ни одного свѣтлаго и ни одного та-

кого, на которомъ я могъ-бы остановиться съ удовольствіемъ. Побѣги были единственнымъ событіемъ, оживлявшимъ однообразіе нашей тюремной жизни, единственнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ, нашихъ волненій, нашихъ горестей. Но утѣшительнаго во всемъ этомъ не было ничего. То и дѣло неудачные бѣглецы возвращались назадъ и приносили какое-нибудь еще болѣе печальное извѣстіе о другихъ бѣглецахъ. То и дѣло мы слышали о чьей-нибудь смерти. Могло-ли радовать это человѣка, который не сегодня—завтра намѣревался самъ сдѣлать тоже? Въ судьбѣ погибшихъ товарищей мы читали свою собственную судьбу. Каждая новая неудача, своя или товарища, уменьшала въ насъ надежду выйти „изъ этого проклятаго мѣста“ какъ все величали марьинскую каторгу, и все болѣе сбдикала съ тѣми старожилами - каторжниками, которые, послѣ многолѣтняго опыта, пришли къ убѣжденію, что выйти изъ проклятаго мѣста не возможно...

Но изъ всехъ несчастій, жертвами которыхъ являлись бѣглецы, меня всего болѣе поразили слѣдующіе два случая:

Первый случай былъ осенью съ однимъ молодымъ крестьяниномъ Томскаго округа, Семилужинской волости, деревни Кузовлевоѣ, по имени Демьяномъ. Онъ и братъ его—Василій попали въ Марьинскъ также, какъ и другіе сахалинцы, за безписьменность. Въ то время, какъ по Восточной Сибири разгорѣлся извѣстный „огонь“ они оба возвращались домой съ олекминскихъ золотыхъ промысловъ, съ путевыми видами, выданными имъ отъ олекминскаго горнаго исправника, но дорогой ухитрились потерять ихъ, что, впрочемъ, вовсе не удивительно, если принять въ расчетъ, что они должны были пройти около 3,000 верстъ пѣшкомъ... Надо-бы было сдѣлать сейчасъ-же заявку, рассказывалъ мнѣ послѣ Василій, а братъ говоритъ, на что заявку, и такъ дойдемъ. Вотъ и дошли! Если, говорить, дѣлать заявку, такъ надо убытчиться, оставаться нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ, а гдѣ у насъ деньги? Дѣйствительно, что денегъ тогда у насъ была самая малость, такъ еле-еле на пропитаніе, а что заработали на прискахъ, того намъ на руки не дали, а черезъ исправника отправили прямо въ волость къ роднымъ. Матушка вѣдь тамъ у насъ, братья, сестры, деньги-то, можетъ, и получили, а насъ-то и по сю-пору не знаютъ, гдѣ взять“. Вскорѣ послѣ прибытія въ Марьинскъ, старшій братъ—Демьянъ бѣжалъ въ Николаевскъ, а младшаго оставилъ въ Марьинскѣ, строго-на-строго запретивъ ему убѣгать оттуда. „Ты, мошь, братикъ, погоди. Какъ знать, можетъ я и выхлопочу что-нибудь въ Николаевскѣ. Тамъ вѣдь большое начальство живетъ. Не наведутъ-ли справки, Богъ дастъ“? Но Богъ не далъ ему ничего, кромѣ смерти. Шестеро человѣкъ и въ томъ числѣ Демьянъ отправились изъ Марьинска на казенной лодкѣ, которую они взяли, конечно, не съ дозволенія начальства.

Черезъ мѣсяць трое возвратились назадъ подь карауломъ, а на вопросъ гдѣ же остальные трое, отвѣчали слѣдующее: поминайте ихъ, какъ звали, они ужь не воротятся: въ одномъ мѣстѣ мы сбились съ дороги, попали въ какое-то озеро, а пока выбирались оттуда, разыгралась буря и перевернула нашу лодку; трое-то вотъ мы спаслись, а трое-то видно нѣтъ. „А гдѣ же мой Демьянь, со слезами на глазахъ, спросилъ Василій?— тамъ, видно и Демьянь.“ Эта вѣсть до того поразила Василья, что онъ слегъ въ горячку и скоро умеръ. Ему было не болѣе 22-хъ лѣтъ...

Другой случай, былъ уже зимою съ однимъ граверомъ-каторжникомъ. Граверъ былъ человѣкъ замѣчательно беззаботный, никогда не унывающий и при всемъ томъ страшный игрокъ. Случилось, что онъ проигралъ свой паекъ хлѣба за цѣлыхъ полмѣсяца впередъ. Что дѣлать? Безъ хлѣба жить не возможно, оказаться подлецомъ предъ товарищами также. Граверъ придумалъ слѣдующее: „пойду, молъ, я въ N. (подъ именемъ N. здѣсь разумѣется другой городокъ Приморской области, находящійся отъ Марьинска въ недалекомъ разстояніи), дорогой пробьюсь какъ-нибудь у новоселовъ, а въ N. вѣдь тоже есть каторжная тюрьма; какъ явлюсь туда, мнѣ сейчасъ же пойдетъ порціонъ, а если еще скажу, что каторжный, такъ и возвращать въ Марьинскъ не стануть, напишуть только отношеніе. Это вѣдь однихъ сахалинцевъ возвращаютъ“. Разсудилъ такъ граверъ свое дѣло, разчислилъ все и отправился, но прошло не болѣе недѣли и полумертваго, съ страшно-отмороженными руками и ногами, гравера привезли назадъ, а еще черезъ сутки его уже не было въ живыхъ.

Иногда мрачные своды нашей тюрьмы оглашались веселыми звуками музыки. Въ числѣ каторжныхъ было нѣсколько поляковъ, а въ неотесанной Сибири рѣдкій полякъ не артистъ. Но въ тюрьмѣ поляки играли не часто; по вечерамъ ихъ уводили обыкновенно къ кому-нибудь въ городъ. Бывали, впрочемъ, и у насъ вечеринки. Время отъ времени ихъ устраивалъ одинъ старичекъ изъ каторжныхъ, занимавшійся внутренней торговлей, т. е. доставлялъ арестантамъ водку и др. необходимыя, но запрещенныя въ тюрьмѣ вещи. Маленькій доходъ отъ этой торговли онъ старался не растрчивать, а когда скопилось нѣсколько рублей, устраивалъ вечеринку и не жалѣлъ ужь тутъ ничего. На вечеринку онъ приглашалъ всѣхъ тюремныхъ, ничего неимущихъ гольшей „жигановъ“, какъ зовутъ ихъ сами арестанты, и поляковъ - музыкантовъ. Когда я наблюдалъ эту вечеринку въ первый разъ, то былъ сильно пораженъ слѣдующимъ. Въ то время, какъ музыканты начали играть, жиганы— пѣть, плясать и угощаться, самъ виновникъ торжества удалился въ задній уголъ, сѣлъ и горько заплакалъ.

— Скажите, пожалуйста, обратился я къ кому-то изъ стоявшихъ около меня арестантовъ:—что со старикомъ такое, онъ плачетъ. Неужели ужъ успѣлъ напиться?

— Какое напиться, коли онъ и въ ротъ-то ничего не беретъ!

— Почто же онъ такъ плачетъ?

— Да ужъ онъ всегда такъ. Какъ только вечеринка, запоютъ, заплачутъ—онъ и въ слезы.

— Чувствительный, значитъ, человѣкъ онъ?

— Кто его знаетъ, какой онъ тамъ—чувствительный или не чувствительный. Говорятъ то другое, говорятъ, будто потому онъ плачетъ, что безвинно сюда пришолъ, въ чужое будто дѣло впутали—вотъ онъ и плачетъ на свою горькую участь, родину воспоминаетъ. А, впрочемъ, кто его знаетъ, безвинно ли его въ каторгу послали. Вонъ Калина Еремѣичъ ужъ всѣ знаютъ что попалъ сюда не за понюхъ табаку, да еще отстегали, да еще клейма наложили, на вѣкъ человѣка изуродовали, а вотъ не плачетъ же, не жалуется даже. Правда, человѣкъ на человѣка не приходится.

Но горе и слезы не ограничивались въ Марьинскѣ предѣлами тюрьмы. Въ землянкахъ каторжныхъ женщинъ было ихъ меньше, и въ солдатскихъ казармахъ развѣ немного меньше.

Несчастныя каторжныя женщины, а ихъ въ Марьинскѣ было при мнѣ 17, имѣютъ свою скорбную исторію. Сначала ихъ гоняли на ту же работу, что и насъ, и артель изъ 5 женщинъ, подъ руководствомъ одного мужчины, должна была выполнять урокъ, одинаковый съ нашимъ. Тогда они получали казенный паекъ. Но женская подневольная работа оказалась еще менѣ спорой, чѣмъ мужская, и рѣшено было, женщинъ отъ работы освободить, а чтобы не было дармоѣдовъ, то и паекъ у нихъ отнять, предоставивъ имъ снискивать пропитаніе вольнымъ трудомъ. Но какой можетъ быть заработокъ отъ вольнаго труда въ такомъ городѣ, какъ Марьинскъ, гдѣ и жителей-то, не считая солдатъ и арестантовъ, 2¹/₂ человѣка! Каторжанки расселены въ какихъ-то логовищахъ—землянкахъ по окраинамъ города, а чѣмъ онѣ живутъ, какимъ вольнымъ трудомъ, объ этомъ лучше ужъ помолчать...

Солдатское житіе въ Марьинскѣ, а тамъ стояло 4 роты,—во многомъ походило на наше каторжное житіе. Какъ и мы, не разбирая ни воскресеньевъ, ни праздниковъ, солдаты вѣчно возились съ лѣсомъ, дыхая только въ банѣ, да на караулѣ. Куда требовалась эта огромная масса лѣснаго матеріала, натасканнаго въ городъ арестантами и солдатами, никто изъ насъ не зналъ и я такъ думаю, что и по сейчасъ лежить онъ спокойно подъ дождемъ и сыростью и, можетъ быть, успѣетъ даже сгнить, прежде чѣмъ найдетъ себѣ какое-нибудь употребленіе. За